

НОВЫЙ ПЕРЕВОД
ЗНАМЕНИТОГО РОМАНА

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ
ЧАСТИЦЫ

РОМАН

CoRpus

18+

Мишель Уэльбек

Элементарные частицы

«Издательство АСТ»

1998

УДК 821.133.31
ББК 84(4Фра)-44

Уэльбек М.

Элементарные частицы / М. Уэльбек — «Издательство АСТ»,
1998

ISBN 978-5-17-157803-9

Восхождение Мишеля Уэльбека к мировой славе началось четверть века назад с выходом романа «Элементарные частицы». Затем последовали планетарные бестселлеры «Платформа», «Возможность острова», «Покорность», «Серотонин», «Уничтожить», Гонкуровская премия и орден Почетного легиона. В центре нашумевшего романа судьба двух братьев. Оба, каждый по своему разумению, настойчиво ищут счастье в окружающем мире, заведомо для счастья не созданном. Один из них, ученый-биолог, делает предположение о возможности кардинальных изменений в генах человека, в результате чего должен появиться новый вид «счастливых» людей. Этим мыслящим существам, не подверженным человеческим слабостям и заблуждениям, Уэльбек предоставил судить о жизни наших современников и сумел сделать то, что мало кому удавалось: он действительно шокировал публику. Роман был выдвинут на Гонкуровскую премию, но не получил ее, зато получил своего рода «анти-Гонкур» — премию «Ноябрь» — и был признан авторитетным журналом Lire Лучшей книгой года. Публикуется в новом переводе Марии Зониной. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-157803-9

© Уэльбек М., 1998
© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Потерянное царство	9
1	9
2	11
3	14
4	16
5	20
6	21
7	24
8. Омега-самец	27
9	30
10. Всему виной Каролина Есян	32
11	35
12. Своим чередом	41
13	45
14. Лето семьдесят пятого	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мишель Уэльбек

Элементарные частицы

Michel Houellebecq
Les Particules Élémentaires

© Michel Houellebecq & Editions Flammarion, Paris, 1998
© М. Зонина, перевод на русский язык, 2024
© И. Кузнецова, перевод стихов, 2024
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
© ООО “Издательство Аст ”, 2024

* * *

Пролог

Эта книга – прежде всего история человека, который большую часть жизни прожил в Западной Европе второй половины XX века. В принципе одинокий, он изредка все-таки общался с себе подобными. Жил он в несчастливые и тревожные времена. Страна, где он появился на свет, медленно, но неотвратимо сползала в экономическую категорию среднебедных стран; люди его поколения часто оказывались на пороге нищеты, к тому же жизнь их протекала в горьком одиночестве. Чувства любви, нежности и человеческого братства фактически исчезли; его современники в лучшем случае относились друг к другу равнодушно, порой даже жестоко.

К моменту исчезновения Мишеля Джерзински его единодушно признавали выдающимся биологом и всерьез прочили ему Нобелевскую премию, но истинная значимость этого человека стала очевидна позже.

В то время, когда жил Джерзински, люди в массе своей считали, что философия лишена какого-либо практического смысла, если не вообще предмета. Однако именно мировоззрение, наиболее характерное для членов общества в определенный момент, обуславливает его экономику, политику и нравы.

Метафизические мутации, то есть радикальные и глобальные трансформации мировоззрения, характерного для подавляющего большинства людей, весьма редки в истории человечества. В качестве примера можно привести возникновение христианства.

Однажды начавшись, метафизическая мутация движется, не встречая никакого сопротивления, пока не свершится в полной мере. Особо не церемонясь, она сметает на своем пути экономические и политические системы, эстетические суждения, социальные иерархии. И нет никакой подвластной человеку силы, которая смогла бы прервать ее ход, – никакой силы, кроме новой метафизической мутации.

Нельзя с уверенностью сказать, что метафизическим мутациям подвержены лишь ослабленные общества, уже и так переживающие упадок. Когда зародилось христианство, Римская империя находилась на пике своего могущества; высокоорганизованная империя господствовала над всем известным в то время миром; ее техническое и военное превосходство не имело себе равных; при этом она была обречена. К тому моменту, когда появилась современная наука, средневековое христианство представляло собой всеобъемлющую систему понимания человека и вселенной; оно лежало в основе управления народами, способствовало развитию знаний и искусств, влияло на вопросы мира и войны, на организацию производства и распределение богатств; все это никоим образом не могло уберечь его от краха.

Мишель Джерзински не был ни первым, ни главным архитектором третьей метафизической мутации, во многих отношениях самой радикальной, которой суждено было положить начало новой эре в мировой истории; но в силу некоторых весьма неординарных обстоятельств своей жизни он является одним из самых сознательных и прозорливых ее творцов.

Мы живем на заре небывалой эпохи,
Ткань обстоятельств нежит наши тела,
Дарит нашим телам
Ореол немеркнувшей радости.
То, что было лишь сладким предчувствием в музыке прошлых
времен,
Для любого из нас повседневной реальностью стало.
То, что людям минувших времен рисовалось в мечтах как страна
идеала,

Воплотилось в действительность нашу, как сбывшийся сон.
Но это не значит, что мы презираем этих людей,
Нам известно, сколь многим обязаны мы их мечтам,
Нам известно, что мы – порождение их счастья и боли, из которых
веками слагалась история,
Что наш будущий образ они пронесли через ненависть, распри и
страх, через ужас и горе,
Через годы блужданий во мраке, когда день за днем писали они
земную историю,
И мы знаем, что им бы не выстоять, если бы не было в них, в
глубине их сердец, великой надежды на будущее,
Им бы просто не выжить, если б не эта мечта.

И теперь, когда наступила эпоха света,
Теперь, когда мы живем в непосредственной близости к свету
И свет наполняет наши тела,
Озаряет наши тела,
Дарит нашим телам ореол немеркнущей радости,
Теперь, когда мы живем рядом с этим потоком,
В череде неизменно сияющих дней,
Теперь, когда свет вокруг наших тел стал реален и осязаем,
Теперь, когда мы достигли цели пути
И навеки покинули царство разлада,
Царство разлада с собой и с миром,
Чтоб окунуться в бессменную и изобильную радость
Новых законов,
Сегодня
Мы можем впервые
Рассказать про последние дни старого мира¹.

¹ Здесь и далее перевод стихов, за исключением отмеченных особо, Ирины Кузнецовой.

Часть первая. Потерянное царство

1

Первое июля 1998 года пришлось на среду. Поэтому, хоть так и не принято, Джерзински устроил отвальную во вторник. В холодильник марки “Брандт”, слегка осевший под тяжестью контейнеров с эмбрионами, кое-как влезли бутылки с шампанским; вообще-то он служил для хранения химических препаратов.

Четыре бутылки на пятнадцать человек – это, конечно, впритык. Надо сказать, тут все немножко впритык: у них довольно мало общего; одно неосторожное слово, один косой взгляд – и компания того гляди распадется, и все кинутся к своим машинам. Они собрались в подвальной комнате с кондиционером. На стене, облицованной белой плиткой, красовался плакат с изображением озер Германии. Кстати, никто не предложил сфотографироваться. Прибывший в начале года молодой ученый, глуповатый на вид бородач, смылся через несколько минут, сославшись на проблемы с парковкой. Всеобщая неловкость становилась все ощутимее, да и потом, отпуск на носу. Одни поедут домой к семье, другие займутся экотуризмом. Слова лениво щелкали в воздухе. Приглашенные быстро разошлись.

Все закончилось к половине восьмого. Джерзински шел по паркингу вместе с одной своей коллегой с длинными черными волосами, ослепительно белой кожей и пышной грудью; она чуть постарше, чем он, и, скорее всего, возглавит после его ухода их отдел. Она не замужем; ее научные публикации посвящены в основном гену DAF3 дрозодилы.

Остановившись перед своей “тойотой”, он улыбнулся и протянул руку ученой даме (он уже несколько секунд продумывал этот жест, решив сопроводить его улыбкой, и мысленно репетировал). Их ладони сомкнулись, вяло встряхнули друг друга. Ему показалось, что рукопожатию не хватало тепла, но что уж теперь; учитывая обстоятельства, они могли бы и расцеловаться, как это принято у министров и некоторых эстрадных исполнителей.

Распрощавшись с ней, он еще целых пять минут просидел в машине – довольно долго, как ему показалось. А она чего не уезжает? Онанирует под Брамса, что ли? Или, наоборот, размышляет о своей карьере, о новой должности, и если да, интересно, рада ли она повышению? Наконец “гольф” генетички выехал со стоянки; он снова остался один. День выдался великолепный, было еще жарко. В первые летние недели все, казалось, застыло в сияющем ступоре; впрочем, дни уже идут на убыль, Джерзински вполне отдавал себе в этом отчет.

Я работал в зоне комфорта, подумал он, в свою очередь трогаясь с места. На вопрос “Чувствуете ли вы, что Палезо – это зона комфорта?” 63 % местных жителей отвечали утвердительно. Оно и понятно: дома тут малоэтажные, между ними разбиты лужайки. Снабжение хорошее, учитывая несколько гипермаркетов; в отношении Палезо понятие высокого *качества жизни* вряд ли покажется преувеличением.

На южной трассе в направлении Парижа машин не было. Он почувствовал себя персонажем новозеландского научно-фантастического фильма, виденного им в студенческие годы, – последним человеком на Земле после гибели всего живого. Прямо какая-то выжженная пустыня апокалипсиса.

Джерзински уже лет десять жил на улице Фремикур; он привык к своему тихому кварталу. В 1993 году он понял, что ему нужна компания; нечто, что встречало бы его по вечерам, когда он возвращается домой. Его выбор пал на белого кенаря, существо крайне боязливое. Кенарь пел, особенно по утрам; тем не менее радостным он не выглядел; вот только может ли кенарь испытывать радость? Радость – это сильное и глубокое переживание, волнующая полнота чувств, захлестывающая все сознание целиком; радость сродни опьянению, восторгу,

экстазу. Однажды он выпустил птицу из клетки. Кенарь от ужаса насрал на диван, а потом рванул назад и стал биться о железные прутья в поисках дверцы. Через месяц Мишель повторил попытку. На этот раз злополучное создание выпало из окна; с горем пополам спланировав, оно умудрилось приземлиться на балконе дома напротив, пятью этажами ниже. Мишелю пришлось ждать возвращения хозяйки квартиры, уповая на то, что у нее нет кошки. Оказалось, что девушка работает редактором в журнале “20 лет”; она жила одна и возвращалась поздно. Кошки у нее не имелось.

Стемнело; Мишель забрал птичку, она дрожала от холода и страха, вжавшись в бетонную стенку. Потом он несколько раз сталкивался с той девушкой из журнала, как правило, когда выносил мусор. Она кивала ему, вероятно, в знак того, что узнала его; он кивал в ответ. В общем, инцидент с канарейкой позволил ему установить добрососедские отношения; ну и чудно.

Из его окон были видны домов десять, то есть, наверное, около трех сотен квартир. Обычно, когда он вечером приходил домой, кенарь принимался свистеть и щебетать, и это длилось минут пять – десять; затем он подсыпал ему семян, менял наполнитель и воду. Но в тот вечер его встретила тишина. Он подошел к клетке: кенарь сдох. Белое тельце, уже остывшее, лежало боком на камешках.

Он съел на ужин упаковку зубатки с кервелем от “Монопри Гурме”, запивая посредственным вальдепеньясом. Недолго думая, он сунул трупик кенаря в полиэтиленовый пакет, отправив туда же в качестве балласта бутылку из-под пива, и выбросил его в мусоропровод. Ну а что еще прикажете делать? Молиться за упокой души?

Он понятия не имел, куда ведет этот мусоропровод с узким загрузочным клапаном (вполне достаточным, правда, чтобы вместить тело птички). Тем не менее ему приснились гигантские мусорные баки, заполненные кофейными фильтрами, равиолями в соусе и отрезанными гениталиями. Огромные черви с грозными клювами размером с самого кенаря, не меньше, терзали его труп. Ему оторвали лапки, искромсали внутренности, проткнули глазные яблоки. Посреди ночи Мишель, весь дрожа, сел в кровати; не было еще и половины второго. Он принял три таблетки ксанакса. Так закончился его первый вечер свободы.

2

Четырнадцатого декабря 1900 года в докладе *Zur Theorie des Gesetzes der Energieverteilung in Normalspektrum*, сделанном на заседании Немецкого физического общества, Макс Планк впервые ввел понятие кванта энергии, которому предстояло сыграть решающую роль в дальнейшем развитии физики. Между 1900 и 1920 годами, в основном под влиянием идей Эйнштейна и Бора, новую концепцию при помощи более или менее оригинальных моделей пытались вписать в рамки уже существующих теорий, и лишь в начале двадцатых стало ясно, что эти попытки тщетны.

Нильс Бор считается истинным основоположником квантовой механики, и не только благодаря его собственным открытиям, но прежде всего из-за необыкновенной атмосферы творчества, интеллектуального подъема, дружбы и свободы духа, которую он сумел создать вокруг себя. Институт теоретической физики в Копенгагене, основанный Бором в 1919 году, собрал в своих стенах лучших молодых ученых Европы. Там начинали Гейзенберг, Паули и Борн. Будучи ненамного старше них, Бор мог часами подробно обсуждать предлагаемые ими гипотезы со свойственным ему уникальным сочетанием философской проницательности, благосклонности и требовательности. Скрупулезный, порой до маниакальности, он терпеть не мог приблизительности в интерпретации результатов научных экспериментов; при этом ни одна новая идея не казалась ему априори безумной, ни одна классическая концепция – незыблемой. Он любил приглашать учеников в свой загородный дом в Тисвильде; у него гостили не только физики, но и другие ученые, а также политики и люди искусства; в своих беседах они непринужденно перескакивали от физики к философии, от истории к искусству, от религии к повседневной жизни. Ничего подобного не происходило со времен древнегреческих мыслителей. Именно в этом исключительном историческом контексте, между 1925 и 1927 годами, были выработаны основные положения Копенгагенской интерпретации квантовой механики, которая в значительной степени упразднила устоявшиеся категории пространства, причинности и времени.

Джерзински, увы, не удалось воссоздать вокруг себя такое чудо. В возглавляемой им научной группе царила кондовая офисная атмосфера. Специалисты по молекулярной биологии отнюдь не моцарты микроскопа, какими любит воображать их прекраснодушная общественность, а просто добросовестные технари, чаще всего не отмеченные печатью гениальности; они читают “Нувель Обсерватор” и мечтают провести отпуск в Гренландии. Исследования в области молекулярной биологии не предполагают никакого творческого подхода, никакой изобретательности; по сути, это почти сплошь рутинная, требующая лишь умеренных и второразрядных интеллектуальных навыков. Но все пишут докторские и защищают их, притом что двухлетнего профессионального образования им с лихвой хватило бы, чтобы управиться с аппаратурой. “А вот чтобы додуматься до идеи генетического кода, – любил повторять Депплешен, директор департамента биологии НЦНИ², – или открыть принцип биосинтеза белка, да, тут пришлось попотеть. Заметьте, кстати, именно физик Гамов первым сунул свой нос в это дело. А расшифровка ДНК, подумашь... Сидишь, расшифровываешь, расшифровываешь. Получаешь молекулу за молекулой. Вводишь данные в компьютер, компьютер выдает закодированные последовательности. Отправляешь факс в Колорадо, они занимаются геном B27, мы – C33. Это наша кухня. Время от времени удается незначительно усовершенствовать оборудование, обычно этого достаточно для Нобелевки. Невелика наука, кружок “умелые руки”.

² НЦНИ (CNRS) – Национальный центр научных исследований. (Здесь и далее – прим. перев.)

Первого июля пополудни стояла изнуряющая жара; такие дни, как правило, не сулят ничего хорошего, и разразившаяся наконец гроза рассеивает обнаженные тела. Из кабинета Деплешену открывался вид на набережную Анатоля Франса. На том берегу Сены, вдоль набережной Тюильри, тусовались на солнышке гомосексуалы, общались по двое или небольшими стайками, передавали друг другу полотенца. Почти все были в стрингах. В ярких лучах сверкали мышцы, увлажненные маслом для загара, лоснились округлые рельефные задницы. Некоторые, оживленно болтая, почесывали себе яйца, обтянутые нейлоновыми плавками, или засовывали палец внутрь, являя миру лобковые волоски и основание члена. Перед панорамным окном Деплешен поставил подзорную трубу. Ходили слухи, что сам он тоже гомосексуал; на самом же деле последние годы он заделался просто светским пьяницей. Как-то в такой же вот погожий полдень он дважды пытался подрочить, прильнув к окуляру и вперившись в подростка, который как раз оттянул стринги и вынул член, предпринявший волнующий взлет в атмосферу. Его собственный, напротив, сник, вялый, сморщенный и сухой; он не стал упорствовать.

Джерзински появился ровно в четыре. Деплешен сам попросил его о встрече. Любопытный случай. Конечно, ученые имеют обыкновение брать годичный отпуск, чтобы поработать с коллегами в Норвегии, Японии, короче, в одной из тех угрюмых стран, где в сорок лет жители массово кончают жизнь самоубийством. Кто-то, как это часто бывало в “эпоху Миттерана”, когда жажда наживы достигла неслыханных масштабов, пускался на поиски венчурных капиталов, чтобы основать компанию и торговать той или иной молекулой; более того, некоторые из них, в рекордные сроки и ничем не брезгуя, сколотили солидное состояние, извлекая немалую прибыль из знаний, приобретенных ими за годы бескорыстных научных исследований. Но решение Джерзински уйти на вольные хлеба, не имея ни проекта, ни цели, ни вообще хоть малейшего предложения, было выше его понимания. К сорока годам он стал ведущим научным сотрудником, под его началом работали пятнадцать ученых; сам он подчинялся – и то чисто символически – непосредственно Деплешену. Его команда добивалась отличных результатов и считалась одной из лучших в Европе. Так чего ему не хватало?

– И что вы собираетесь делать? – с нарочитым напором спросил Деплешен. Джерзински помолчал с полминуты, потом сказал просто:

– Думать.

Такое начало не предвещало ничего хорошего. Деплешен продолжил с наигранным воодушевлением:

– А как на личном фронте?

Глядя на сидевшего напротив серьезного человека с осунувшимся лицом и печальными глазами, он вдруг ужасно устыдился. При чем тут личный фронт? Он сам пятнадцать лет назад забрал Джерзински из Университета Орсе. И не ошибся с выбором: он оказался четким, педантичным, изобретательным ученым, и результаты не заставили себя ждать. Тот факт, что ИЦНИ удалось сохранить высокий европейский уровень в области молекулярной биологии, – в значительной степени его заслуга. Он более чем оправдал надежды, грех жаловаться.

– Само собой разумеется, – заключил Деплешен, – у вас останется доступ к нашей информационной базе, к хранящимся на сервере результатам исследований и сетевым шлюзам Центра, без ограничения по срокам. Если вам понадобится что-то еще, я в вашем распоряжении.

Когда он ушел, Деплешен вернулся к окну. Он слегка вспотел. На том берегу юный брюнет североафриканской наружности снимал шорты. В фундаментальной биологии еще остаются серьезные проблемы. Биологи рассуждают и действуют так, словно молекулы – это отдельные элементы материи, связанные лишь силами электромагнитного притяжения и отталкивания; он не сомневался, что никто из них и слыхом не слыхивал ни о парадоксе Эйнштейна – Подольского – Розена, ни об экспериментах Аспе; никто наверняка не удосужился узнать о прогрессе, достигнутом в физике с начала века; что касается их атомарной концепции, то

они недалеко ушли от Демокрита. Они накапливали громоздкие однообразные данные с единственной целью – немедленно найти им применение в промышленности, не подозревая, что концептуальная база их метода подорвана. Они с Джерзински, физики по образованию, вероятно, единственные в НЦНИ сознавали, что, как только дело дойдет до атомных основ всего живого, фундамент современной биологии разлетится вдребезги. Пока Деппешен размышлял над этими вопросами, на Сену опустились сумерки. Он терялся в догадках, в какие дали уносятся мыслями Джерзински, и чувствовал, что не в состоянии даже поддерживать с ним разговор на эти темы. Сейчас ему под шестьдесят; он чувствовал, что в интеллектуальном плане уже полностью выгорел. Гомосексуалы ушли, набережная опустела. Он и не помнил, когда в последний раз у него случалась эрекция; он ждал грозы.

3

Гроза разразилась около девяти вечера. Джерзински слушал шум дождя, потягивая дешевый арманьяк. Ему недавно исполнилось сорок: неужели он пал жертвой *кризиса среднего возраста*? Благодаря улучшению условий жизни сорокалетние граждане теперь пребывают в расцвете сил и прекрасной физической форме; первые признаки того, что человек переступил порог и сделал робкий шаг на долгом спуске к смерти, проявляются – как во внешности, так и в изменении реакции внутренних органов на нагрузки – обычно годам к сорока пяти, а то и к пятидесяти. К тому же пресловутый “кризис среднего возраста” часто ассоциируется с сексуальными проявлениями, с внезапной и лихорадочной жадой совсем юных девичьих тел. В случае Джерзински эти соображения были неуместны – член служил ему для мочеиспускания, не более того.

На следующее утро он встал около семи, взял с полки научную автобиографию Вернера Гейзенберга “Часть и целое” и отправился пешком на Марсово поле. Занимался ясный прохладный рассвет. Эту книгу он приобрел еще в семнадцать лет. Сидя под платаном на аллее Виктора Кузена, он перечитал отрывок из первой главы, где Гейзенберг, вспоминая студенческие годы, рассказывает об обстоятельствах своего первого знакомства с учением об атоме:

Это было, надо думать, весной 1920 года. Исход Первой мировой войны привел молодежь нашей страны в беспокойное движение. Бразды правления выскользнули из рук глубоко разочарованного старшего поколения, и молодые люди сбивались в группы, в малые и большие сообщества, чтобы искать новый, свой путь или хотя бы какой-то новый компас, по которому они могли бы ориентироваться, потому что старый, похоже, сломался. Так вот и я ясным весенним днем шагал с группой из десяти или, может быть, двадцати приятелей, которые по большей части были моложе меня самого. Мы шли походом через холмистую местность вдоль западного берега озера Штарнбергер, лежавшего, как можно было видеть сквозь просветы в сияющей зелени бука, слева под нами и, казалось, простиравшегося до самых гор на горизонте. В этом походе, странным образом, произошла та первая беседа о мире атомов, которая много значила для меня в моем последующем научном развитии³.

К одиннадцати жара стала усиливаться. Вернувшись домой, Мишель полностью разделся и лег. В течение следующих трех недель он практически не двигался. Так, видимо, рыба, время от времени высываясь из воды, чтобы глотнуть воздух, замечает мельком совершенно иной, надводный, райский мир. Конечно, ей приходится тут же нырнуть в родную стихию водорослей, где рыбы пожирают друг друга. Но все же на несколько мгновений у нее возникает предчувствие иного мира, мира совершенного – нашего с вами мира.

Вечером 15 июля он позвонил Брюно. В голосе его единоутробного брата, на фоне *кулджаза*, звучал еле уловимый *подтекст*. Вот Брюно определенно пал жертвой *кризиса среднего возраста*. Он носил кожаные плащи, отрастил бороду и изъяснялся языком персонажей второсортного детективного сериала, чтобы показать, что умеет жить; курил сигарки, качал пресс. Что касается его самого, Мишель считал, что “кризис среднего возраста” тут вообще ни при чем. Человек, страдающий от кризиса среднего возраста, просто хочет жить, жить чуть подольше; он просто хочет небольшой добавки. А ему все обрыдло; дело в том, что он не видел ни малейших причин жить дальше.

³ В. Гейзенберг. *Часть и целое*. Перевод В. Бибихина.

В тот же вечер ему попала на глаза его детская фотография, сделанная в начальной школе в Шарни, и он расплакался. Мальчик сидит за партой, в руках у него открытый учебник. Он радостно и храбро улыбается прямо в объектив; этот мальчик, подумать только, он сам. Мальчик делает домашние задания, с доверчивой вдумчивостью учит уроки. Он входит в этот мир, открывает для себя этот мир, и мир не страшит его; он готов занять свое место в человеческом обществе. Все это читается в его глазах. На мальчике блуза с маленьким воротничком.

Несколько дней Мишель держал фотографию под рукой, прислонив ее к лампе в изголовье кровати. Время – банальная тайна, все это в порядке вещей, пытался он убедить себя; взгляд тускнеет, радость и доверчивость исчезают. Лежа на матрасе марки *Bultex*, он тщетно пробовал проникнуться брэнностью бытия. У мальчика на лбу виднеется круглая впадинка, воспоминание о ветрянке; эта отметина так и не исчезла с годами. Где же истина? Полуденный зной заполнял комнату.

4

Мартен Секкальди родился в 1882 году в корсиканской глубинке, в семье неграмотных крестьян, и казалось, ему суждено вести буколическую крестьянскую жизнь с ограниченным радиусом действия, точно такую, какую вели его предки на протяжении нескончаемой череды поколений. Такой жизнью в наших краях давно не живут, ввиду чего исчерпывающий ее анализ особого интереса не представляет; но поскольку некоторые радикальные экологи периодически проявляют непонятную ностальгию по такому времяпрепровождению, для полноты картины я все же позволю себе в общих чертах кратко ее описать: живешь на природе, дышишь свежим воздухом, возделываешь свои делянки (число которых точно определяется правом наследования по закону), периодически охотишься на кабана; трахаешься направо и налево, в частности с женой, которая рожает *детей*; растишь вышеупомянутых детей, чтобы они в свою очередь заняли место в той же экосистеме; заражаешься какой-то хворью, и привет.

Необычная судьба Мартена Секкальди на самом деле весьма наглядно свидетельствует о роли светской школы в процессе интеграции во французское общество и в пропаганде технического прогресса на протяжении всех лет существования Третьей республики. Его преподаватель быстро понял, что имеет дело с незаурядным учеником, склонным к абстрактному мышлению и творчески одаренным, что вряд ли будет востребовано в его родной среде обитания. Прекрасно отдавая себе отчет, что его миссия не сводится к предоставлению базовых знаний будущему гражданину и что ему следует также выявлять новые кадры, призванные влиться в элиту Республики, он сумел убедить родителей Мартена, что судьба их сына может состояться только за пределами Корсики. В 1894 году юноша получил стипендию, и его приняли в интернат марсельского лицея Тьера (его хорошо описал в своих воспоминаниях детства Марсель Паньоль, и Мартен Секкальди всю жизнь ими зачитывался, покоренный искусством реалистического воссоздания основополагающих идеалов эпохи через описание жизненного пути даровитого юноши из неблагополучной среды). В 1902 году, полностью оправдав надежды своего первого учителя, он поступил в Высшую политехническую школу.

В 1911-м он получил назначение, определившее всю его дальнейшую жизнь. Речь шла о создании рабочей сети водоснабжения на всей территории Алжира. Он работал над ней более четверти века, рассчитывал кривизну акведуков и диаметр канализационных труб. В 1923 году женился на продавщице табачной лавки Женевьеве Жюли, отдаленно лангедокских корней – два последних поколения ее семьи жили уже в Алжире. В 1928 году у них родилась дочь Жанин.

Повествование о человеческой жизни может быть длинным или кратким, как душе угодно. Метафизическая или трагическая ее версия, сводимая в конечном счете к датам рождения и смерти, традиционно начертанным на надгробном камне, естественно, предпочтительна в силу завидной лаконичности. Что касается Мартена Секкальди, то представляется уместным рассматривать его жизнь в социально-экономическом контексте, сделав акцент не столько на личных качествах героя, сколько на эволюции общества, характерным представителем которого он является. Такие характерные личности, плывущие в некотором роде по воле исторических волн своей эпохи, но при этом принявшие самостоятельное решение полностью вписаться в нее, ведут, как правило, заурядное и счастливое существование; жизнеописание в таком случае обычно уместается на одной-двух страницах. Что касается Жанин Секкальди, то она принадлежала к сомнительной категории *предтеч*. Биография предтеч, с одной стороны вполне приносившихся к образу жизни большинства своих современников, с другой – стремящихся “вперед и выше”, пропагандируя новые модели поведения или популяризируя те, что еще не вошли в оборот, требует, по идее, более пространного изложения, учитывая, что их путь чаще всего довольно запутан и тернист. Однако они служат лишь катализатором истории, причем

чаще всего катализатором распада, им не дано придать событиям новое направление – такая миссия возлагается на *революционеров и пророков*.

Уже в детстве дочь Мартена и Женеьевы Секкальди проявила выдающиеся интеллектуальные способности, по крайней мере не уступавшие отцовским, к коим прилагался весьма строптивый нрав. Она потеряла девственность в возрасте тринадцати лет (надо было умудриться – в то время и в ее кругу), а годы войны (в Алжире сравнительно мирные) посвятила посещению главных танцевальных вечеров, которые устраивались каждые выходные, сначала в Константине, затем в Алжире; при этом она блестяще заканчивала один семестр за другим. В 1945 году, обзаведясь дипломом бакалавра⁴ с отличием и солидным сексуальным опытом, она съехала от родителей, вознамерившись изучать медицину в Париже.

Первые послевоенные годы были тяжелыми и бурными; промышленное производство упало до рекордно низкой отметки, а карточную систему отменили только в 1948 году. Тем не менее в узких зажиточных кругах уже тогда появились первые признаки массового потребления сексуальных удовольствий, пришедшего прямоком из Соединенных Штатов Америки и охватившего в последующие десятилетия все население Франции. Будучи студенткой парижского медицинского факультета, Жанин Секкальди стала практически непосредственной участницей “экзистенциалистских” лет и даже как-то раз станцевала бибоп в “Табу” с самим Жан-Полем Сартром. Труды философа не слишком ее впечатлили, зато буквально потрясло его уродство, граничившее с патологией, так что этот инцидент не возымел последствий. Сама она, красавица ярко выраженного средиземноморского типа, крутила романы напропалую, пока не познакомилась в 1952 году с Сержем Клеманом, который заканчивал тогда интернатуру по хирургии.

– Хотите знать, как выглядел мой папаша? – любил вопрошать Брюно много лет спустя. – Возьмите обезьяну, всучите ей мобильник и получите его портрет.

В то время, понятное дело, у Сержа Клемана не имелось никакого мобильного, зато с волосатостью был полный порядок, что да, то да. Одним словом, он был отнюдь не красив, но от него исходила такая мощная и первобытная мужская сила, что молодая практикантка не могла на него не запасть. Кроме того, у него были планы на жизнь. Съездив в США, он убедился, что косметическая хирургия открывает амбициозному специалисту заманчивые перспективы. Постепенное расширение рынка эротики, сопутствующий ему распад традиционного брака, надвигающийся экономический бум в Западной Европе – все это вкупе явно сулило расцвет этой области медицины, и Серж Клеман мог похвастаться тем, что стал одним из первых в Европе – и уж точно первым во Франции, – кто это понял; проблема заключалась в том, что у него не было необходимых стартовых капиталов. Мартен Секкальди, приятно удивленный предприимчивостью будущего зятя, согласился одолжить ему денег, и в 1953 году в Нёйи открылась первая клиника. Его успехи, разрекламированные в новостных рубриках женских журналов, набравших тогда обороты, произвели оглушительный эффект, и в 1955 году он открыл еще одну клинику на каннских холмах.

Супруги были приверженцами того, что позже назовут “современным браком”, и Жанин забеременела от мужа скорее по недосмотру. Однако она решила оставить ребенка; опыт материнства, считала она, обязана испытать каждая женщина; беременность, впрочем, протекала довольно приятно, и в марте 1956 года родился Брюно. Нудные заботы, которых требует выращивание маленького ребенка, вскоре показались супругам несовместимыми с их идеалом личной свободы, и в 1958 году по обоюдному согласию Брюно отправили в Алжир, к бабушке и дедушке по материнской линии. К тому моменту Жанин снова забеременела, но на этот раз от Марка Джерзински.

⁴ Во Франции диплом бакалавра (сокращенно “бак”) соответствует российскому аттестату о полном среднем образовании.

В 1919 году, гонимый ужасающей нищетой, на грани голодной смерти, Люсьен Джерзински уехал из Верхнесилезского угольного бассейна, где он родился за двадцать лет до того, во Францию в надежде найти там работу. Он нанялся рабочим на железную дорогу, сначала строителем, потом путевым обходчиком, и женился на Мари Ле Ру, дочери поденщиков бургундского происхождения, которая тоже служила в Управлении железных дорог. Она родила ему четверых детей, а в 1944-м он погиб под бомбами союзников.

Их третьему ребенку, Марку, было четырнадцать, когда отца не стало. Марк рос умным, серьезным мальчиком, немного грустным. В 1946 году, благодаря посредничеству соседа, он нанялся подмастерьем к осветителю на киностудию “Пате” в Жуанвиле. И сразу же проявил незаурядные способности в своем деле: руководствуясь скудными, приблизительными указаниями, он сам прекрасно выставлял свет к приходу оператора-постановщика. Анри Алекан высоко ценил его и хотел даже сделать своим ассистентом, но в 1951 году решил перейти на ORTF⁵, которое тогда начинало телевидение.

Он познакомился с Жанин в начале 1957 года, снимая телерепортаж о бомонде Сен-Тропе. Главной героиней его фильма стала Брижит Бардо (фильм “И бог создал женщину”, вышедший в 1956-м, как раз и запустил “миф Бардо”), но интересовали его и другие артистические и литературные круги, в частности, одна компания, которую позже окрестили “бандой Саган”. Этот мир, недоступный ей, несмотря на все ее деньги, зачаровывал Жанин, и она вроде бы действительно влюбилась в Марка. Она убедила себя, что у него есть задатки великого кинорежиссера, и не исключено, что была права. Работая в репортажном стиле, он использовал легкое световое оборудование и умел создавать, переставив несколько предметов, волнующие сцены, обыденные, мирные и при этом совершенно отчаянные, чем-то напоминавшие картины Эдварда Хоппера. Общаясь со знаменитостями, он едва достаивал их равнодушным взглядом; снимая Бардо и Саган, выказывал им не больше почтения, чем ракам или кальмарам, окажись те на их месте. Он ни с кем не заговаривал, ни с кем не сближался; от него и правда можно было с ума сойти.

Жанин развелась с мужем в 1958 году, вскоре после того, как отправила Брюно к своим родителям. Это был развод с признанием обоюдной вины. Щедрый Серж уступил ей свою долю в каннской клинике, одно это уже могло обеспечить ей безбедное существование. После их переезда на виллу в Сент-Максим, Марк не изменил своим привычкам и любви к одиночеству. Она настаивала, чтобы он посвятил себя карьере в кино; он кивал, но ничего не предпринимал, в ожидании, когда подвернется очередной сюжет для репортажа. Если она устраивала званый ужин, он, как правило, предпочитал поесть в одиночестве на кухне, до прихода гостей, а потом шел гулять по берегу. Возвращался к концу вечера, объясняя, что ему надо было закончить монтаж фильма. Рождение сына в июне 1958-го явно привело его в смятение. Он подолгу неподвижным взглядом смотрел на ребенка, который был поразительно похож на него: то же угловатое лицо и высокие скулы, те же огромные зеленые глаза. Вскоре Жанин начала ему изменять. Возможно, он переживал из-за этого, трудно сказать, поскольку он действительно разговаривал все меньше и меньше. Он сооружал миниатюрные алтари из гальки, веточек и панцирей ракообразных, затем фотографировал их в косых лучах солнца.

Его репортаж о Сен-Тропе имел большой успех в профессиональной среде, но от интервью журналисту из “Кайе дю синема” он отказался. Его акции значительно выросли после трансляции короткого и весьма едкого документального фильма, снятого им весной 1959 года о передаче “Привет, ребята” и зарождении стиля йе-йе. Его явно не интересовали художественные фильмы, и он дважды отказался работать с Годаром. В то время Жанин тусовалась с приезжающими на Лазурный Берег американцами. В Калифорнии происходило тогда нечто радикально новое. В Эсалене, недалеко от Биг-Сура, создавались коммуны любителей сексу-

⁵ Управление французского радиовещания и телевидения (франц.).

альной свободы и психоделических препаратов, вроде бы изменяющих сознание. Она стала любовницей Франческо ди Меолы, американца итальянского происхождения, который водил знакомство с Гинзбергом и Олдосом Хаксли и являлся одним из основателей какой-то общины в Эсалене.

В январе 1960-го Марк уехал в Китай снимать репортаж о создававшемся там коммунистическом обществе нового типа. Он вернулся в Сент-Максим 23 июня, в середине дня. В доме на первый взгляд было пусто. Однако на ковре в гостиной, скрестив ноги, сидела девочка лет пятнадцати, совершенно голая. *Gone to the beach...*⁶ – сказала она в ответ на его расспросы и снова впала в прострацию. В спальне Жанин, раскинувшись на кровати, храпел высокий бородатый мужик, явно пьяный в стельку. Марк прислушался: до него донеслись чьи-то стоны или хрип.

В комнате наверху стояла ужасная вонь; чернобелая плитка ярко сверкала в солнечных лучах, проникавших через эркерное окно. Его сын неуклюже ползал по полу, иногда поскальзываясь в луже мочи или экскрементов. Он часто моргал и беспрерывно скулил. Почувствовав присутствие человека, попытался сбежать. Марк взял его на руки; маленькое существо задрожало от ужаса.

Марк вышел на улицу и в ближайшей лавке купил детское автомобильное кресло. Он написал короткую записку Жанин, пристегнул ребенка, сел за руль и поехал на север. У Валанса свернул в сторону Центрального массива. Вечерело. Время от времени на очередном вираже он поглядывал на сына, дремавшего сзади; его охватило странное чувство.

С того дня Мишеля воспитывала бабушка, которая, выйдя на пенсию, вернулась в Йонну, откуда была родом. Вскоре его мать уехала в Калифорнию и поселилась там в общине ди Меолы. Мишелю суждено было увидеть ее снова, когда ему уже исполнилось пятнадцать. Да и с отцом ему не суждено было часто видеться. В 1964-м Марк отправился на репортаж в оккупированный Китаем Тибет. В письме матери он сообщал, что у него все хорошо, что он впечатлен практиками тибетского буддизма, который Китай пытается жестоко искоренять; больше от него не было никаких вестей. Франция заявила протест китайскому правительству, но он не возымел действия, тело не нашли, и год спустя его официально объявили пропавшим без вести.

⁶ Ушли на пляж. (англ.)

5

Лето 1968 года, Мишелю уже десять. С двух лет он живет с бабушкой. Они живут в Шарни, в департаменте Йонна, на самой границе с Луарé. Утром он встает рано, чтобы приготовить бабушке завтрак; он завел даже специальную карточку, отмечая, как долго заваривается чай, сколько надо сделать тостов с маслом и прочее.

До обеда он обычно сидит у себя в комнате. Читает Жюль Верна, “Великолепную пятерку”⁷ и комиксы про собаку Пифа; но чаще всего углубляется в многотомную энциклопедию “Весь мир”. В ней рассказывается о сопротивлении материалов, о форме облаков, о печлиных танцах. А также о дворце Тадж-Махал, построенном древним царем в память о своей умершей царице; о смерти Сократа и об изобретении геометрии Евклидом три тысячи лет назад.

Во второй половине дня он выходит в сад. Садится в одних шортах, прислонившись к черешне, и чувствует упругую массу травы. Чувствует солнечное тепло. Салат латук поглощает солнечное тепло; а также поглощает воду, и он знает, что ему надо будет полить его в конце дня. Он продолжает читать “Весь мир” или какую-нибудь книгу из серии “Сто вопросов”; он буквально впитывает знания.

А еще он любит кататься по округе на велосипеде. Крутит педали изо всех сил, наполняя легкие ароматом вечности. Вечность детства – краткая вечность, но он этого еще не знает; пейзажи проносятся мимо.

В Шарни осталась только одна бакалейная лавка, но по средам приезжает фургон мясника, по пятницам – рыботорговца; часто по субботам бабушка готовит на обед треску в сливочном соусе. Это его последнее лето в Шарни, но он этого еще не знает. В начале года у бабушки случился инсульт. Две ее дочери, живущие в пригороде Парижа, подыскивают ей жилье поблизости от них. Она уже не в состоянии жить одна круглый год и ухаживать за садом.

Мишель редко играет со сверстниками, хотя хорошо ладит с ними. Его считают немного не таким, как все; в школе он учится на отлично, все усваивает без видимых усилий. Он неизменно лучший в классе по всем предметам; естественно, бабушка им гордится. Но одноклассники не злятся на него, не травят; он охотно дает им списывать на контрольных. Дождается, пока сосед все спишет, и только потом переворачивает страницу. Несмотря на превосходные отметки, он сидит на последней парте. Устои этого царства зыбкие.

⁷ “Великолепная пятерка” — серия детских детективов английской писательницы Энид Блайтон.

6

Однажды летним днем, еще живя в Йонне, Мишель гонял по лугам со своей кузиной Брижит. Брижит, хорошенькую шестнадцатилетнюю девушку, ужасно милую, через несколько лет угораздило выйти замуж за страшного мудилу. А пока что, летом 1967 года, она взяла Мишеля за руки и закружила вокруг себя; они упали в свежескошенную траву. Он прижался к ее теплой груди; на Брижит была короткая юбка. На следующий день они покрылись красными прыщиками, все тело жутко чесалось. *Trombi.di.um holosericeum*, или клещ-краснотелка, – неизменный обитатель летних лужаек. Его диаметр составляет около двух миллиметров. Толстое, мясистое тельце, довольно выпуклое, ярко-красного цвета. Он прокалывает хоботком кожу млекопитающих, вызывая невыносимое раздражение. *Linguatula rhinaria*, или носовая пятиустка, обитает в лобных или околоносовых пазухах собак, иногда человека. Личинка овальной формы, с хвостиком в задней части; ее рот снабжен сверлящим аппаратом и окружен двумя парами придатков (или жвал) с длинными крючьями. Взрослая особь белого цвета, ланцетовидная, длиной от 18 до 85 миллиметров. Тело уплощенное, кольчатое, прозрачное, покрыто хитиновыми спикулами.

В декабре 1968 года бабушка переехала в департамент Сена-и-Марна, поближе к дочкам. Поначалу жизнь Мишеля не так уж и изменилась. Креси-ан-Бри находится всего в пятидесяти километрах от Парижа, но в то время это была еще сельская местность. Это красивая деревня, в ней много старых домов; Коро написал там несколько пейзажей. Благодаря системе каналов, несущих воды Гран-Морена, Креси в некоторых путеводителях именуют “Брийской Венецией”, но это сильно сказано. Мало кто из здешних жителей ездит на работу в Париж. Большинство из них служат на местных мелких предприятиях или, чаще всего, в Мо.

Два месяца спустя бабушка купила телевизор; на Первом канале как раз появилась реклама. В ночь на 21 июля 1969 года он смотрел в прямом эфире, как человек делает первые шаги на Луне. Одновременно с ним свидетелями этого события стали шестьсот миллионов зрителей по всему миру. Те несколько часов, что длилась трансляция, стали, вероятно, кульминацией начального этапа западной технологической мечты. В общеобразовательном коллеже Кресиан-Бри Мишель появился только в середине учебного года, но быстро там освоился, и ему не составило труда перейти в шестой класс. По четвергам он покупал “Пифа”, обновившего в то время свой формат. В отличие от большинства читателей, он покупал его не ради “гаджетов”⁸, его привлекали прежде всего приключенческие истории. В этих историях, действие которых происходило в самые разные эпохи и при самых разных обстоятельствах, обывались простые и глубокие нравственные ценности. Их всех, Рагнара-викинга, Тедди Теда и Апача, Рахана, “сына диких веков”, и Ходжу Насреддина, водившего за нос визирей и халифов, объединяли одни и те же этические нормы. Мишель постепенно их усвоил и пронес через всю жизнь. Чтение Ницше вызывало у него лишь мимолетное раздражение, а Канта – подтверждало то, что он и так уже знал. Чистая мораль едина и универсальна. С течением времени она не претерпевает никаких изменений, равно как и ничем не дополняется. Она не зависит от каких-либо исторических, экономических, социологических или культурных факторов; она вообще абсолютно ни от чего не зависит. Будучи неопределяемой, она предопределяет. Ничем не обусловленная, обуславливает. Иными словами, это абсолют.

Мораль, доступная наблюдению на практике, всегда является результатом смещения в различных пропорциях элементов чистой морали и других элементов во многом невнятного, чаще всего религиозного происхождения. Чем значительнее в ней доля элементов собственно

⁸ Имеются в виду небольшие игрушки, маски, фокусы и т. п., прилагавшиеся к каждому номеру журнала.

чистой морали, тем счастливее и долговечнее общество, такой морали придерживающееся. Если уж на то пошло, общество, управляемое чистыми принципами универсальной морали, могло бы просуществовать до конца мира.

Мишель восхищался всеми героями “Пифа”, но его любимцем, разумеется, был Черный Волк, индеец-одиночка, вобравший в себя все благороднейшие качества апачей, сиу и шайеннов. Черный Волк объезжал бескрайние прерии в компании коня Шинука и волка Тупи. Он не только отважно заступался за самых слабых, но и постоянно комментировал свои подвиги в терминах трансцендентальной этики, иногда облекая их в поэтическую форму разнообразных поговорок индейцев дакота и кри либо просто апеллируя к “закону прерий”. Спустя годы Мишель по-прежнему считал его идеальным типом кантианского героя, всегда поступающего так, как если бы он “благодаря своим максимам был законодательствующим членом во всеобщем царстве целей”⁹. Некоторые эпизоды, такие как “Кожанный браслет”, например, о трогательном старом вожде шайеннов, ищущем звезды, нарушали довольно узкие рамки приключенческого сюжета, погружая читателя в необыкновенно поэтическую, высоконравственную атмосферу.

Телевидение занимало его меньше. Однако он с болью в сердце смотрел еженедельную программу “Жизнь животных”. Газели и лани, эти грациозные млекопитающие, жили в постоянном в страхе и ужасе. Львы и пантеры пребывали в апатичном оцепенении, изредка прерываясь на краткие вспышки свирепости. Они убивали, раздирали на части и пожирали самых слабых зверей, старых и больных, и снова погружались в тупой сон, оживляемый разве что нападками паразитов, поедающих их изнутри. Некоторые такие паразиты сами подвергались нападению других паразитов, помельче; последние, в свою очередь, становились рассадниками вирусов. Рептилии скользили между деревьями, вонзая в птиц и млекопитающих свои ядовитые зубы, если только их самих не рассекал внезапно хищный птичий клюв. Клод Дарже с каким-то беспричинным восторгом комментировал эти жуткие сцены своим напыщенным глупым голосом. Мишель дрожал от негодования, чувствуя, как в нем созревает еще одно некогда любимое убеждение: в общем и целом дикая природа – это просто отвратительная мерзость; в общем и целом дикая природа заслуживает полной ликвидации, тотального уничтожения, и миссия человека на Земле, вероятно, и заключается в том, чтобы это осуществить.

В апреле 1970-го “Пиф” вышел с новым, ставшим самым знаменитым, гаджетом. К каждому экземпляру прилагался “порошок жизни” – пакетик с цистами крошечного морского рачка *Artemia salina*. В течение нескольких тысячелетий эти организмы пребывали в замершем состоянии. Процедура их оживления особой сложностью не отличалась: нужно было в течение трех дней отстаивать воду, потом немного нагреть ее, добавить содержимое пакетика, осторожно взболтать. В последующие дни контейнер держали вблизи от источника света и тепла и регулярно добавляли воду нужной температуры, компенсируя таким образом испарение, и слегка помешивали эту кашу, чтобы насытить ее кислородом. Уже через несколько недель банка кишела множеством полупрозрачных ракообразных, на самом деле довольно противных, но определенно живых. Не зная, что с ними делать, Мишель выкинул их в Гран-Морен.

В том же выпуске приключенческий рассказ на двадцати страницах проливал некоторый свет на юность Рахана и жизненные обстоятельства, в результате которых он стал одиноким героем в глубине доисторических веков. Когда он был еще совсем ребенком, его клан погиб во время извержения вулкана. Его отец, Крао Мудрый, смог завещать ему на смертном одре лишь ожерелье из трех когтей. Каждый коготь олицетворял определенное качество “прямоходящих”, то есть людей. Коготь верности, коготь храбрости и самый главный – коготь доброты. С тех пор Рахан носил это ожерелье, стараясь доказать, что достоин его символов.

⁹ И. Кант. *Основы метафизики нравственности*. Перевод с немецкого Б. Фохта.

Их дом в Креси стоял в длинном саду, где росла одинокая черешня, немного поменьше той, что была у них в Йонне. Он по-прежнему читал “Весь мир” и “Сто вопросов”. На двенадцатилетие бабушка подарила ему набор “Юный химик”. Химия оказалась гораздо увлекательнее механики и электричества, загадочнее, разнообразнее. Реактивы, отличавшиеся по цвету, форме и текстуре, были разложены по коробочкам, словно навеки разлученные сущности. Но стоило их перемешать, как они запускали бурную реакцию, в мгновение ока образуя принципиально новые соединения.

Как-то в июльский полдень, сидя с книжкой в саду, Мишель вдруг осознал, что химические основы жизни могли бы быть совершенно иными. С ролью, которую углерод, кислород и азот играют в молекулах живых существ, справились бы молекулы с идентичной валентностью, но с более высокой атомной массой. На какой-нибудь дальней планете, при другом температурном режиме и давлении, молекулами жизни могли бы оказаться кремний, сера и фосфор; или германий, селен и мышьяк, а то и олово, теллур и сурьма. Ему не с кем было всерьез обсуждать эти вопросы – по его просьбе бабушка купила ему несколько книг по биохимии.

7

Брюно помнил себя с четырех лет; самым ранним было воспоминание об унижении. В то время он ходил в детский сад в парке Лаперль в Алжире. Однажды осенним днем учительница показала мальчикам, как плести ожерелья из листьев. Девочки ждали, сидя на пригорке, и на их лицах уже тогда читались признаки глупой бабьей покорности; почти все они были в белых платьях. Землю усыпали золотистые листья; там росли в основном каштаны и платаны. Его товарищи, завершив работу, один за другим подходили к своим юным избранницам и надевали им ожерелье на шею. А он тупил, листья ломались, у него все валялось из рук. Как им объяснить, что он нуждается в любви? Как это объяснить без ожерелья из листьев? Он заплакал от ярости; учительница не пришла ему на помощь. Все закончилось, дети встали, вышли из парка. Чуть позже этот детский сад закрылся.

Его бабушка и дедушка жили в очень красивой квартире на бульваре Эдгара Кине. Буржуазные здания в центре Алжира построены в парижском османовском стиле. Двадцатиметровый коридор вел через всю квартиру в гостиную с балконом, откуда открывался вид на белый город. Много лет спустя ему, озлобленному сорокалетнему цинику, привидится эта картина: ему четыре года, он изо всех сил крутит педали своего трехколесного велосипеда, мчась по темному коридору к сияющему просвету балкона. Вероятно, именно в это мгновение он достиг апогея отпущенного ему земного счастья.

В 1961 году умер дедушка. В нашем климате труп млекопитающего или птицы сначала привлекает особый вид мух (*Musca*, *Curtonevra*); стоит телу начать разлагаться, как в игру вступают новые виды, прежде всего *Calliphora* и *Lucilia*. Труп под совместным воздействием бактерий и пищеварительных соков, выделяемых личинками, постепенно разжижается, становясь средоточием маслянокислого и аммиачного брожения. По истечении трех месяцев мухи завершают свой труд, и им на смену заступает отряд жесткокрылых жуков из рода кожеедов и чешуекрылых бабочек *Aglossa pinguinalis*, которые питаются в основном жирами. Забродившая белковая материя в процессе ферментации потребляется личинками *Piophilina petasionis* и жуками рода *Corynetes*. Разложившийся труп, в котором еще остается немного влаги, становится вотчиной клещей, высасывающих из него остатки сукровицы. Но и высохшее, мумифицированное тело все еще служит пристанищем для разного рода добытчиков – личинок кожеедов из родов аттагенус и антрениус, гусениц *Aglossa cuprealis* и *Tineola bisellelia*. Они и завершают этот цикл.

Брюно хорошо запомнил гроб красивого, насыщенного черного цвета, с серебряным крестом. Какая умиротворяющая картина, даже счастливая; деду наверняка уютно в таком великолепном гробу. Позже он узнал о существовании клещей и всех этих личинок с именами итальянских старлетов. Однако и сегодня образ деда в гробу по-прежнему казался ему счастливым видением.

Он хорошо помнил, как в тот день, когда они приехали в Марсель, бабушка сидела на ящике посреди выложенной плиткой кухни. Между плитками шныряли тараканы. Вероятно, именно в тот день она начала терять рассудок. Всего за несколько недель ей пришлось пережить агонию мужа, поспешный отъезд из Алжира, мучительные поиски квартиры в Марселе. Северо-восточные его кварталы оказались грязными до безобразия. Она никогда раньше не бывала во Франции. А дочь ее бросила, не приехала на похороны отца. Видимо, произошла какая-то ошибка. Где-то, видимо, была допущена какая-то ошибка.

Но она оклемалась и прожила еще пять лет. Купила мебель, поставила кровать Брюно в столовой, записала его в начальную школу по соседству. Каждый вечер она приходила за ним. Как же ему становилось стыдно, когда эта сухонькая надломленная старушка брала его

за руку! У всех остальных имелись мамы и папы; дети разведенных родителей в те времена еще редко попадались.

Ночью она бесконечно мусолила в уме все этапы своей жизни, которая завершалась так плохо. Летом в их квартире с низкими потолками стояла страшная духота. Обычно она засыпала только на рассвете. Днем бродила по квартире в стоптанных туфлях, что-то бормотала вслух, не отдавая себе в этом отчета, и по пятьдесят раз подряд повторяла одни и те же фразы. Мысли о дочери не давали ей покоя. “Не приехала на похороны отца...” Она слонялась из комнаты в комнату, иногда с половой тряпкой или кастрюлей в руке, начисто забыв их назначение. “На похороны отца. на похороны родного отца...” Туфли с шипящим звуком шаркали по плиточному полу. Брюно испуганно съеживался в постели; он понимал, что все это добром не кончится. Бывало, она заводила с самого утра, еще в халате и бигудях: “Алжир – это Франция.”; затем снова раздавалось шарканье. Она ходила по комнатам взад-вперед, устремив взгляд в невидимую точку. “Франция. Франция.” – повторяла она постепенно снижающим голосом.

Бабушка всегда хорошо готовила, и здесь это стало ее единственной радостью. Она устраивала Брюно роскошные трапезы, словно собиралась принять человек десять гостей. Сладкие перцы в масле, анчоусы, картофельный салат. Бывало, что основному блюду – фаршированным кабачкам, кролику с оливками или, например, кускусу – предшествовали пять разных закусок. Ей не удалось освоить только десерты; но иногда, получив пенсию, она приносила домой коробки с нугой, каштановым кремом и калиссонами из Экса. Мало-помалу Брюно превратился в жирного пугливого ребенка. Сама она почти ничего не ела. По воскресеньям бабушка вставала чуть позже; он забирался к ней в кровать, прижимался к костлявому телу. Бывало, он представлял, как встает среди ночи и, вооружившись ножом, наносит ей удар прямо в сердце; и тут же воображал, как рухнет в слезах перед ее трупом; и еще – что вскоре после этого умрет сам.

В конце 1966 года бабушка получила письмо от дочери, их адрес ей дал отец Брюно, с которым она переписывалась раз в год на Рождество. Жанин не выразила особого сожаления о прошлом, ограничившись одной-единственной фразой: “Я слышала, папа умер и ты переехала”. Кроме того, она сообщала, что уезжает из Калифорнии, перебирается на юг Франции; но адреса не оставила.

Однажды утром, в марте 1967-го, пытаясь приготовить оладьи из кабачков, бабушка опрокинула на себя лохань с кипящим маслом. У нее хватило сил выползти на лестничную площадку, и на ее крики сбежались соседи. Вечером, выйдя из школы, Брюно увидел мадам Аузи, их соседку сверху; она отвела его прямо в больницу. Ему позволили на несколько минут увидеться с бабушкой; ожоги были скрыты под простыней. Ее накачали морфием, но она все же узнала Брюно и сжала его руку в своих ладонях; после чего мальчика увели. В ту же ночь ее сердце остановилось.

Так Брюно столкнулся со смертью во второй раз; во второй раз смысл этого события почти полностью ускользнул от него. Еще долгие годы, получая хорошие отметки за домашнее задание по французскому или за успешную письменную работу по истории, он невольно думал, как похвастается бабушке. И тут же, разумеется, возражал себе, что она умерла; но эта мысль возникала пунктиром и, по сути, не прерывала их диалога. Когда он прошел конкурс на степень агреже¹⁰ по современной литературе, он подробно обсудил с ней свои результаты; в то время, однако, он уже верил в это разве что в краткие моменты. По такому случаю он купил две банки каштанового крема; это был их последний серьезный разговор. Получив свою первую преподавательскую должность после окончания учебы, он понял, что изменился, что у него уже не получится войти с ней в контакт; образ бабушки медленно таял за глухой стеной.

¹⁰ Агреже – ученая степень во Франции, дающая право преподавать в средней и высшей школе.

На следующий день после похорон произошла странная сцена. Его отец и мать, которых он увидел впервые, обсуждали, что с ним делать. Они беседовали в большой комнате их марсельской квартиры; Брюно подслушивал, сидя на кровати. Всегда интересно, что о тебе говорят другие, особенно если они вроде бы не подозревают о твоём присутствии. Иногда сам начинаешь сомневаться в собственном присутствии, и в этом есть своя прелесть. Короче, он не чувствовал, что их слова касаются его напрямую. Притом что этому разговору суждено было сыграть решающую роль в его жизни, и с тех пор он много раз вспоминал его, так и не сумев испытать никаких подлинных эмоций. Он не сумел установить непосредственную связь, физическую связь между ним и двумя взрослыми людьми, которые в тот день, сидя в их столовой, поразили его прежде всего своим высоким ростом и молоджавостью. Брюно перешел в шестой класс, и они решили, что с сентября определят его в школу-интернат. Отец будет забирать его в Париж по выходным, а мать попытается время от времени проводить с ним каникулы. Брюно не возражал; он не чувствовал в этих людях открытой враждебности. В любом случае его настоящей жизнью была жизнь с бабушкой.

8. Омега-самец

Брюно наклоняется над умывальником. Пижамную куртку он снял. Край фаянсовой раковины врежется в складки его маленького белесого живота. Ему одиннадцать лет. Он собирается почистить зубы, как всегда перед сном, в надежде, что его вечерний туалет пройдет без эксцессов. Но тут к нему подваливает Вильмар, сначала один, и пихает его в плечо. Брюно делает шаг назад, дрожа от страха; он более или менее знает, что его ждет. “Отстаньте...” – еле слышно говорит он.

Следом подходит Пеле. Низкорослый, коренастый, очень сильный. Он наотмашь бьет Брюно по лицу, тот плачет. Затем они швыряют его на пол, хватают за ноги, тащат волоком. Возле туалета срывают с него пижамные штаны. У него еще совсем маленький член, детский, безволосый. Они вдвоем держат его за волосы, заставляют открыть рот. Пеле елозит туалетным ершиком ему по лицу. Брюно чувствует вкус дерьма. Вопит.

К ним присоединяется Брассёр; ему четырнадцать, он самый старший из шестиклассников. Достает свой член, который кажется Брюно толстым и огромным. Он встает над ним и мочится прямо ему на лицо. Накануне он заставил Брюно сначала отсосать, а затем вылизать ему задницу, но сегодня ему неохота. “Клеман, у тебя совсем голый хуй, – ржет он, – сейчас мы тебе отрастим волосы...” По его знаку мальчики обмазывают член Брюно пеной для бритья. Брассёр открывает бритву, подносит лезвие поближе. Брюно тогда обкакался от страха.

Как-то мартовской ночью 1968 года воспитатель обнаружил его в туалете в глубине двора, он лежал там съездившись, голый, весь в дерьме. Он надел на него пижаму и отвел к Коэну, старшему воспитателю. Брюно боялся, что его заставят все рассказать; боялся, что придется заложить Брассёра. Но Коэн, хоть его и вытащили из постели посреди ночи, принял его очень ласково. В отличие от своих подчиненных он обращался к ученикам на “вы”. Это был третий интернат в его послужном списке, и далеко не самый трудный; он знал, что почти всегда жертвы отказываются выдавать своих мучителей. Единственное, что он мог сделать, это наложить взыскание на воспитателя, ответственного за дортуар шестиклассников. Большинство этих детей брошены родителями на произвол судьбы, так что он для них единственный авторитет. Надо следить за ними повнимательнее, вмешиваться до того, как что-то случится, – но это невозможно, у них всего пять воспитателей на двести учеников. Когда Брюно ушел, он сварил себе кофе и пролистал картотеку шестых классов. Он подозревал Пеле и Брассёра, но никаких доказательств у него не было. Если удастся вывести их на чистую воду, решил Коэн, он добьется их исключения; парочки безжалостных и агрессивных учеников достаточно, чтобы и все остальные начали свирепствовать. Как правило, подростки, особенно если они сбиваются в стаи, жаждут подвергнуть унижениям и пыткам тех, кто послабее. В раннем подростковом возрасте их изуверство достигает неслыханного размаха. Он не питал ни малейших иллюзий относительно поведения человека, неподвластного закону. Заступив на должность в интернат Мо, он сумел внушить ученикам страх. Он знал, что, не будь его, последнего оплота законности в этом заведении, жестоким издевательствам над такими мальчиками, как Брюно, не было бы конца и края.

Брюно остался в шестом классе на второй год, испытав при этом только облегчение. Пеле, Брассёр и Вильмар перешли в седьмой, так что теперь они будут в другом дортуаре. К сожалению, в соответствии с директивами министерства, принятыми после событий шестидесяти восьмого года, было решено сократить штат надзирателей в интернатах, организовав взамен систему самодисциплины; эта мера, будучи вполне в духе времени, позволила к тому же сэкономить на зарплатах. Теперь ученикам стало легче пробираться в чужие дортуары; минимум

раз в неделю седьмые классы устраивали набеги на малышей; они возвращались к себе с одной, а то и двумя жертвами и приступали к делу. В конце декабря Жан-Мишель Кемпф, худой, боязливый мальчик, поступивший в интернат в начале года, выбросился из окна, спасаясь от своих истязателей. Падение могло закончиться смертельным исходом, но он, к счастью, отделался множественными переломами. В частности, раздробил себе щиколотку, ее собирали буквально по кусочкам; впоследствии выяснилось, что он останется калекой. Устроив всеобщий допрос, Коэн утвердился в своих подозрениях; как Пеле ни отнекивался, он исключил его на три дня.

Практически все сообщества животных построены по принципу доминирования, тут все определяется физической силой. Для этой системы характерна строгая иерархия: самый сильный в группе – *альфа-самец*; за ним следует второй по силе, *бета-самец* и так далее, вплоть до самого слабого животного, занимающего низшую ступень, – его называют *омега-самцом*. Иерархическое положение обычно определяется в ходе боевых ритуалов: самцы низкого ранга пытаются повысить свой статус, бросив вызов тем, кто выше их, зная, что в случае победы их положение улучшится. Доминирующая позиция дает определенные привилегии: право первым получать доступ к пище и спариваться с самками своей группы. Однако самая слабая особь может уклониться от боя, приняв позу *покорности* (присев и выставив анус напоказ). Брюно повезло меньше. Жестокость и доминирование, широко распространенные среди животных, уже у шимпанзе (*Pan troglodytes*) сопровождаются беспричинными вспышками агрессии по отношению к самому слабому. Эта тенденция достигает своего пика в примитивных человеческих сообществах, в развитых же она свойственна в основном детям и подросткам. Позже развивается *жалость*, или способность примерить на себя страдания другого; эта жалость быстро становится категорией *морального закона*. Жан Коэн представлял в лицее-интернате Мо моральный закон и совершенно не собирался от него отступать. Он не думал, что нацисты как-то особо извратили мысль Ницше: отрицая сострадание, поставив себя выше морального закона, утверждая желание и господство желания, мысль Ницше, считал он, естественным образом привела к нацизму. Учитывая выслугу лет и уровень квалификации, он имел право претендовать на пост директора, но остался на должности главного воспитателя, и это было его сознательным выбором. Он неоднократно обращался в академическую инспекцию с жалобой на сокращение штата воспитателей; его обращения остались без ответа. В зоопарке самец кенгуру (*macropodidae*) часто воспринимает вертикальное положение служителя как вызов на бой. Агрессивного кенгуру можно унять, если служитель наклонится, приняв позу, характерную для мирных кенгуру. Жан Коэн не испытывал ни малейшего желания превращаться в мирного кенгуру. Злобность Мишеля Брассёра, вполне закономерная стадия прогрессирующего эгоизма, характерная и для менее развитых животных, уже привела к тому, что один из мальчиков останется инвалидом на всю жизнь; таким, как Брюно, она, скорее всего, нанесла необратимые психологические травмы. Вызывая Брассёра к себе в кабинет, он вовсе не собирался скрывать своего презрения к нему, равно как и намерения довести дело до исключения.

По воскресеньям отец отвозил его вечером обратно на своем “мерседесе”, и Брюно начинала бить дрожь уже на подъезде к Нантёй-ле-Мо. В вестибюле лицея красовались барельефы знаменитых выпускников – Куртелина и Муассана. Жорж Куртелин – французский писатель, автор рассказов, в которых с иронией описывается весь абсурд буржуазной и бюрократической жизни. Анри Муассан – французский химик (Нобелевская премия 1906 года), он усовершенствовал электродуговую печь и выделил фтор и кремний в свободном состоянии. Отец всегда привозил его ровно в семь, прямо к ужину. Как правило, Брюно удавалось поесть только днем, поскольку они обедали вместе с остальными учениками на продленке; вечером оставались одни интернатские. Столы накрывались на восемь человек, и старшеклассники первыми занимали места. Они накладывали себе горы еды, а потом плевали в общее блюдо, чтобы младшие не дотрагивались до остатков.

Каждое воскресенье Брюно думал, не поговорить ли с отцом, но потом отбрасывал эту мысль. Отец считал, что мальчику надо уметь за себя постоять; и действительно, некоторые ученики – не намного старше его – давали сдачи, упрямо отбивались и в конце концов завоевывали уважение к себе. В свои сорок два года Серж Клеман был *преуспевающим* человеком. Его родители держали бакалейную лавку в Пти-Кламаре, а он теперь владел уже тремя клиниками пластической хирургии: в Нёйи, в Ле-Везине и в Швейцарии, недалеко от Лозанны. Когда его бывшая жена переселилась в Калифорнию, он снова взял на себя еще и управление каннской клиникой, выплачивая Жанин половину прибыли. Сам он уже давно не оперировал, но был, как говорится, *эффективным менеджером*. Он не очень понимал, как вести себя с сыном. Он, в принципе, желал ему добра, при условии, что это добро не будет отнимать у него слишком много времени; он испытывал смутное чувство вины. Обычно старался не приглашать домой любовниц, если забирал Брюно на выходные. Он покупал готовые блюда в кулинарии, они вместе ужинали, а потом смотрели телевизор. Он не умел ни во что играть. Иногда Брюно вставал среди ночи и шел к холодильнику. Он наполнял миску кукурузными хлопьями, добавлял молоко, сметану и засыпал эту смесь толстым слоем сахара. И садился есть. Он съедал несколько мисок подряд, пока его не начинало мутить. Он чувствовал тяжесть в желудке. Ему нравилось это ощущение.

9

В плане эволюции нравов 1970 год запомнился стремительным ростом потребления эротической продукции, несмотря на вмешательство все еще бдительных цензоров. Мюзикл “Волосы”, открывший широкой публике “сексуальное освобождение” шестидесятых, пользовался большим успехом. На южных пляжах замелькали тут и там голые груди. За несколько месяцев число парижских секс-шопов выросло с трех до сорока пяти.

В сентябре Мишель перешел в восьмой класс, выбрав вторым иностранным языком немецкий. На занятиях по немецкому он и познакомился с Аннабель.

В те годы Мишель имел весьма упрощенные представления о счастье. На самом деле он никогда всерьез о нем не задумывался. А если какие-то мысли его и посещали, то он придерживался взглядов бабушки, привившей их своим детям. Бабушка была католичкой и голосовала за де Голля; обе ее дочери вышли за коммунистов, но это никак на нее не повлияло. Таковы были идеи ее поколения, в детстве пережившего тяготы войны, а в двадцать лет праздновавшего Освобождение; таков был мир, который они хотели завещать своим детям. Женщина сидит дома и занимается хозяйством (бытовая техника служит ей незаменимым подспорьем; у нее много свободного времени, которое она посвящает семье). Мужчина ходит на работу (но автоматизация производства сокращает рабочий день и облегчает труд человека). Супруги счастливы и хранят друг другу верность; они живут в славных домиках за чертой города (в тех самых *пригородах*). На досуге увлекаются художественными поделками, садоводством и изобразительным искусством. Многие предпочитают путешествовать, знакомиться с обычаями и культурой других регионов, других стран.

Якоб Вилкенинг родился в Леувардене, Западная Фрисландия, переехал во Францию в возрасте четырех лет и сохранил лишь смутное воспоминание о своих голландских корнях. В 1946 году он женился на сестре одного из своих лучших друзей; ей исполнилось семнадцать, и до него у нее никого не было. Потрудившись некоторое время на фабрике микроскопов, он основал собственную компанию по производству прецизионной оптики, работая в основном по заказам компаний “Анженье” и “Пате”. Конкуренции со стороны Японии тогда можно было не опасаться; Франция производила прекрасные объективы, во многом не уступавшие “Шнайдеру” и “Цейсу”; дела его шли хорошо. У супругов родились два сына, в 1948-м и 1951-м, а затем, спустя долгое время, в 1958 году, дочь Аннабель.

Появившись на свет в счастливой семье (за двадцать пять лет брака ее родители ни разу всерьез не повздорили), Аннабель знала, что и ей уготована та же судьба. Она впервые задумалась об этом летом, незадолго до того, как познакомилась с Мишелем; ей шел тринадцатый год. Где-то в мире живет мальчик, которого она не знает, а он не знает ее, но им предстоит прожить жизнь вместе. Она постарается его осчастливить, а он постарается, со своей стороны, осчастливить ее; вот только она понятия не имела, как он выглядит; это очень ее тревожило. В своем письме в “Журнал Микки”¹¹ одна читательница, ее ровесница, поделилась схожими чувствами. Ответ ей пришел весьма обнадеживающий, и заканчивался он такими словами: “Не волнуйся, дорогая Корали, ты наверняка его вмиг узнаешь”.

Они вместе готовили домашние задания по немецкому и так постепенно начали общаться. Мишель жил через дорогу, метрах в пятидесяти от ее дома, не больше. Они часто проводили вместе четверги¹² и воскресенья; он приходил к ней сразу после обеда. “Аннабель,

¹¹ “Журнал Микки” — французский еженедельный журнал комиксов для подростков.

¹² До 1972 г. во французских школах четверг был свободным днем.

встречай жениха...” — объявлял ее младший брат, выглянув в сад. Она заливалась краской; но родители ее не поддразнивали. Она понимала, что Мишель им нравится.

Он был любознательным мальчиком; ничего не смыслил ни в футболе, ни в эстрадных певцах. Его не то чтобы сторонились в классе, кое с кем он все-таки разговаривал, но при этом держался особняком. До Аннабель никто из соучеников не приходил к нему домой. Он привык предаваться размышлениям и мечтам в одиночестве; мало-помалу он привык и к обществу подруги. Они любили кататься на велосипедах и, поднявшись на косогоры Вуланжис, шли дальше пешком через луга и перелески, взбираясь к вершине холма, откуда открывался вид на долину Гран-Морена. Они шагали по высокой траве, учась понимать друг друга.

10. Всему виной Каролина Есаян

В 1970-м, с начала учебного года, положение Брюно в интернате немного улучшилось; он перешел в восьмой и оказался почти старшеклассником. С восьмого по выпускной класс ученики спали в другом крыле, в дортуарах, разделенных на четырехместные блоки. Главные его мучители сочли, что он уже и так достаточно опущен и унижен, и постепенно переключились на новых жертв. В том же году Брюно стал проявлять интерес к девочкам. Время от времени, довольно редко, устраивались совместные прогулки обоих интернатов. В четверг после обеда, в хорошую погоду, они отправлялись на некое подобие пляжа на берегу Марны, в пригороде Мо. Там было кафе с настольным футболом и кучей флипперов, но славилось оно в основном питоном в аквариуме. Мальчики наперебой дразнили его, стуча пальцами по стеклу; вибрации сводили питона с ума, и он со всей дури бросался на стенки, пока наконец не отваливался в изнеможении. Как-то в октябре Брюно разговорился с Патрисией Ховилер; будучи сиротой, она уезжала из интерната только на каникулы, к дяде в Эльзас. Светловолосая, худенькая, она что-то тараторила со страшной скоростью, и ее оживленное лицо иногда застывало в странной улыбке. Неделью спустя он с ужасом увидел, что она, раздвинув ноги, сидит на коленях у Брассёра; он обнимал ее за талию и целовал в губы. Однако никаких выводов общего характера Брюно тогда не сделал. Если отморозки, которые терроризировали его в течение стольких лет, пользуются успехом у девочек, то исключительно потому, что они единственные, кто осмеливается к ним приставать. Он заметил, кстати, что Пеле, Вильмар и даже Брассёр прекращали задираť и унижать маленьких, если неподалеку оказывались девочки.

Начиная с восьмого класса ученикам разрешалось записаться в киноклуб. Просмотры устраивались в четверг вечером в актовом зале интерната для мальчиков; девочки туда тоже приходили. Однажды вечером, в декабре, перед началом фильма “Носферату, симфония ужаса”, Брюно занял место рядом с Каролиной Есаян. Целый час он только об одном и думал и ближе к финалу очень осторожно положил левую руку на ляжку своей соседки. В течение нескольких чудесных секунд (пяти? семи? уж никак не больше десяти) ничего не происходило. Она не шелохнулась. Неистовый жар охватил Брюно, еще немного, и он потерял бы сознание. Затем, не говоря ни слова, не выказав ни малейшей досады, она отстранила его руку. Много позже, но довольно часто, когда ему отсасывала какая-нибудь шлюха, Брюно вспоминал те несколько мгновений ужасающего блаженства; вспоминал он и тот момент, когда Каролина Есаян мягко отстранила его руку. В том маленьком мальчике было что-то очень чистое и нежное, что-то досексуальное, еще чуждое пока всякому эротическому соблазну. Ему просто хотелось прикоснуться к любящему телу, забыться в любящих объятиях. Нежность сильнее искушения, вот почему так трудно расстаться с надеждой.

Почему Брюно в тот вечер коснулся ляжки Каролины Есаян, а не ее руки (что она, скорее всего, позволила бы ему, и у них мог бы начаться прекрасный роман; ведь она нарочно заговорила с ним, пока они стояли в очереди, чтобы он успел сесть рядом с ней, и сама положила руку на подлокотник, разделяющий их кресла; вообще она давно заприметила Брюно, и он ей очень понравился, она же правда надеялась, что в тот вечер он возьмет ее за руку)? Наверное, потому, что ляжка Каролины Есаян оголилась, а он по простоте душевной не представлял, что она может оголиться невзначай. С возрастом, когда Брюно случалось с отвращением погружаться в свои детские переживания, сердцевина его судьбы обнажалась, и прошлое представляло перед ним с ледяной и пугающей очевидностью. В тот декабрьский вечер 1970 года Каролине Есаян, несомненно, удалось бы исцелить его от унижений и горестей раннего детства; после этого первого прокола (ведь он так никогда и не осмелился, с тех пор как она мягко отстранила его руку, снова с ней заговорить) все стало гораздо сложнее. Однако в общечело-

веческом плане Каролину Есаян вовсе не в чем винить. Напротив, Каролина Есаян, армянская девочка с кротким взглядом овечки и длинными выющимися черными волосами, попавшая вследствие неразрешимых семейных дразг в зловещие стены школы-интерната для девочек при лицее Мо, Каролина Есаян уже сама по себе внушала веру в человечество. А если все и ухнуло в душераздирающую пустоту, то только лишь из-за ничтожного и, в общем, нелепого пустяка. Тридцать лет спустя Брюно не сомневался, что, оценивая по достоинству то дурацкое происшествие, вывод можно сделать один: всему виной мини-юбка Каролины Есаян.

Положив руку на ляжку Каролины Есаян, Брюно фактически сделал ей предложение. Его первые годы отрочества выпали на переходный период. За исключением нескольких предтеч – прискорбным примером которых были, кстати, его родители, – предыдущее поколение установило на редкость тесную связь между браком, сексом и любовью. Постепенное распространение наемного труда и стремительный экономический рост пятидесятых неуклонно вели – не считая постоянно сокращающихся слоев общества, для которых понятие семейного достоинства еще не утратило смысла, – к отмиранию *брака по расчету*. Католическая церковь, всегда достаточно сдержанно воспринимавшая внебрачный секс, с энтузиазмом приветствовала этот прогрессивный сдвиг в сторону *брака по любви*, который в большей степени соответствует ее теориям (“мужчину и женщину сотворил их”¹³) и мог бы стать первым шагом на пути к цивилизации верности, мира и любви, к чему, собственно, она стремится вполне естественным образом. Коммунистическая партия, единственная духовная сила, сопоставимая с католической церковью в те годы, боролась практически за то же самое. Поэтому молодежь пятидесятых с единодушным нетерпением жаждала *влюбленности*, тем более что в связи с оттоком населения из сельской местности и сопутствующим ему исчезновением деревенского уклада теперь для поиска своей второй половины не было никаких территориальных ограничений, и выбор этот приобретал огромное значение (в сентябре 1955-го в Сарселе было положено начало политике так называемых *жилмассивов*, являющих собой наглядное воплощение социального инстинкта, сведенного к семейной ячейке). Поэтому пятидесятые и начало шестидесятых годов с полным правом можно рассматривать как настоящий *золотой век любовного чувства*, образ которого еще и сегодня удастся воссоздать по песням Жана Ферра и ранней Франсуаз Арди.

Однако в то же время в Западной Европе рос массовый спрос на возбуждающую чувственность продукцию североамериканского происхождения (песни Элвиса Пресли, фильмы с Мэрилин Монро). Наряду с холодильниками и стиральными машинами, материальным оплотом супружеского счастья, все популярнее становились транзистор и проигрыватель, выдвинувшие на первый план поведенческую модель *подросткового флирта*. Подспудный идеологический конфликт шестидесятых выплеснулся в начале следующего десятилетия в журналах “Мадемуазель Нежный Возраст” и “20 лет” в процессе обсуждения самого животрепещущего на тот момент вопроса: “Как далеко позволено зайти до брака?” В те же годы гедонистическо-либидинальная опция, пришедшая из США, получила мощную поддержку со стороны прессы либертарианского толка (первый номер “Актюэль” вышел в октябре 1970-го, “Шарли Эбдо” – в ноябре). Будучи, по идее, политическими противниками капитализма, они вместе с тем совпадали с индустрией развлечений в главном: а именно в стремлении разрушить иудео-христианские моральные ценности и в апологии молодости и личной свободы. Пытаясь всем угодить, журналы для девочек в срочном порядке придумали следующий нарратив. На первом этапе (скажем, с двенадцати до восемнадцати лет) девочка *встречается* со многими мальчиками (семантическая неоднозначность слова *встречаться* отражает реальную неоднозначность поведенческую: что, в сущности, значит *встречаться* с мальчиком? Целоваться в засос,

¹³ Быт. 1:27–28.

предаваться более острым радостям *петтинга* и *глубокого петтинга*, заниматься настоящим сексом? Можно ли позволить мальчику потрогать меня за грудь? Надо ли снимать трусы? А что делать с его гениталиями?). Патрисии Ховилер и Каролине Есяян не позавидуешь; их любимые журналы давали расплывчатые, противоречивые ответы. На втором этапе (а конкретнее – вскоре после выпускных экзаменов), когда та же девушка испытывает потребность уже в *серьезных отношениях* (позже немецкие журналы обозначат его термином *big love*), актуальным становится такой вопрос: “Должна ли я съехаться с Жереми?”; то есть второй этап, в принципе, становится последним. Крайняя шаткость такой комбинации, предложенной журналами для девочек – фактически речь шла о том, чтобы применить, произвольно наложив их на два последовательных отрезка жизни, две прямо противоположные модели поведения, – сделалась очевидной лишь годы спустя, когда разводы стали повсеместным явлением. А до тех пор эта поразительная схема служила девушкам – и без того чересчур наивным и ошеломленным стремительностью происходящих вокруг перемен – твердой жизненной установкой, которой они благоразумно пытались следовать.

У Аннабель все складывалось совершенно иначе. Она думала о Мишеле по вечерам, перед тем как заснуть; она радовалась мыслям о нем, просыпаясь утром. Если в коллеже с ней приключалось что-то забавное или интересное, она предвкушала, как все ему расскажет. В те дни, когда по каким-то причинам им не удавалось повидаться, она не находила себе места и грустила. Во время летних каникул (у ее родителей был дом в Жиронде) она писала ему каждый день. Хотя Аннабель не признавалась себе в этом, хотя в ее письмах не было пылких слов (то же самое она могла бы написать своему брату-ровеснику), хотя чувство, заполнившее всю ее жизнь, напоминало скорее облако нежности, чем всепоглощающую страсть, тем не менее в ее сознании постепенно проступала очевидная истина: с первой же попытки, как-то невзначай и вообще не так уж этого желая, она обрела *большую любовь*. Первая любовь оказалась той самой, единственной, и второй не будет, чего уж тут. Везет же некоторым, замечала “Мадемуазель Нежный Возраст”; но не стоит обольщаться, это все же величайшая редкость; лишь в некоторых исключительных случаях, сродни чуду и, однако, неоспоримых и подтвержденных, такое может произойти. И выше счастья не выпадает человеку в этом мире.

11

Мишель с тех пор хранил фотографию, сделанную в саду родителей Аннабель во время пасхальных каникул 1971 года; ее отец спрятал шоколадные яйца в кустах и на цветочных клумбах. На снимке Аннабель стоит в гуще форзиций; увлеченная поисками, она с детской серьезностью раздвигает ветки. Черты ее лица уже тогда становились все утонченнее, и можно было догадаться, что она вырастет необыкновенной красавицей. Свитер слегка обтягивает ей грудь. Шоколадных яиц на Пасху ей больше не достанется; на следующий год они станут слишком взрослыми для подобных забав.

К тринадцати годам под влиянием прогестерона и эстрадиола, секретируемых яичниками, у девочек накапливаются жировые отложения в области груди и ягодиц. Если повезет, означенные части тела приобретут гармоничную полноту и округлость; эта картина пробуждает в мужчинах бешеное вожделение. Как и ее мать в том же возрасте, Аннабель могла похвастаться прекрасной фигурой. Но лицо ее матери было приятным и милым, не более того.

Никто не ожидал, что Аннабель вырастет такой невероятной красавицей, матери даже делалось за нее страшно. Огромные голубые глаза и фантастическую копну белокурых волос Аннабель наверняка унаследовала от отца и вообще от голландской ветви их семейства; но только неслыханной морфогенетической случайностью можно объяснить пронзительную чистоту ее черт. Обделенная красотой девушка несчастна, у нее нет шансов быть любимой. Пусть ее никто и не подкалывает, никто не язвит, но все смотрят словно сквозь нее и не обращаются ей вслед. В присутствии дурнушки окружающим становится неловко, и ее предпочитают просто не замечать. Феноменальная красота, выходящая далеко за рамки обычной девической обольстительной свежести, производит, напротив, какое-то сверхъестественное действие, и кажется, что неминуемо сулит трагическую судьбу. В пятнадцать лет Аннабель была одной из тех редких красавиц, на которых западают все мужчины подряд, независимо от возраста и общественного положения; таким девушкам стоит всего лишь пройти по торговой улице небольшого городка, как у мужчин – молодых и не очень – учащается сердцебиение, а старики кряхтят от досады. Вскоре она обратила внимание, что при ее появлении, будь то в кафе или в учебной аудитории, воцаряется тишина, но ей потребовались годы, чтобы понять причину. В общеобразовательном коллеже Креси-ан-Бри все знали, что она «с Мишелем»; но и без того, по правде говоря, ни один мальчик не решился бы к ней подвалить. Это один из главных недостатков феноменальной красоты: только опытные, прожженные и бессовестные бабники чувствуют себя на высоте, поэтому сокровище девственности достается, как правило, самым отвратным типам – с этого начинается необратимая деградация девушек.

В сентябре 1972-го Мишель поступил в десятый класс лицея в Мо. Аннабель перешла в девятый; ей оставался еще один год в коллеже. Из лицея он возвращался на поезде, пересаживаясь в Эсбли в автовагон¹⁴. В Креси он обычно приезжал в 18.33; Аннабель ждала его на станции. Они вместе гуляли вдоль каналов. Иногда – довольно редко – заходили в кафе. Аннабель твердо знала, что рано или поздно Мишель захочет ее целовать и ласкать ее тело, она уже сама ощущала, как оно меняется. Она ждала этого момента, не испытывая ни особого нетерпения, ни страха, она ему доверяла.

Притом что фундаментальные аспекты полового поведения являются врожденными, история первых лет жизни играет важную роль в запускающих его механизмах, особенно у птиц и млекопитающих. Ранний тактильный контакт с представителями своего вида, по-

¹⁴ Автовагон — моторный самоходный железнодорожный вагон для перевозки пассажиров.

видимому, жизненно важен у собак, кошек, крыс, морских свинок и макак-резусов (*Macaco, mulatto*). Отсутствие таких контактов с матерью в детстве приводит к серьезным нарушениям полового поведения у самцов крыс, в частности к подавлению брачного ритуала. Даже если бы от этого зависела его жизнь (а в значительной степени так оно и было), Мишель все равно не смог бы поцеловать Аннабель. Часто, увидев, как он выходит из вагона с портфелем в руках, она ощущала такой прилив счастья, что буквально бросалась ему на шею. Несколько секунд они стояли обнявшись, в состоянии блаженного паралича, и только потом уже заговаривали друг с другом.

Брюно тоже учился в лицее Мо, но в параллельном десятом классе; он знал, что у его матери есть сын от другого отца, не более того. С матерью он виделся редко. Дважды проводил каникулы на вилле в Кассисе, где она жила. У нее зависали многочисленные молодые люди, забредавшие в те края по пути куда-то дальше. Этих молодых людей в популярных журналах называли *хиппи*. Они чаще всего не работали и у Жанин, сменившей имя на Джейн, жили на всем готовом. То есть на доходы от клиники пластической хирургии ее бывшего мужа, а значит, и за счет желаний некоторых обеспеченных дам побороть неминуемое увядание или исправить природные недостатки внешности. Хиппи купались голышом в каланках¹⁵. Брюно наотрез отказывался снимать плавки. Он чувствовал себя белесым, крохотным, противным, жирным. Мать то и дело укладывала какого-нибудь юнца к себе в постель. Ей исполнилось сорок пять, ее вульва похудела и слегка обвисла, но лицо не утратило былого великолепия. Брюно дрочил по три раза в день. Вульвы разных девушек находились иногда на расстоянии вытянутой руки, но при всей их доступности Брюно прекрасно понимал, что путь к ним ему заказан: другие парни выше и сильнее его, да и загар у них красивее. Много лет спустя Брюно осознает, что мелкобуржуазный мир, мир госслужащих и менеджеров среднего звена, более терпим, гостеприимен и открыт, чем мир молодых маргиналов, представленный в то время *хиппи*. “Если я правильно выражусь, респектабельные чиновники меня примут, – любил повторять Брюно. – Мне только и потребуется, что купить костюм, галстук и рубашку – в C&A на распродажах эти шмотки мне обойдутся в каких-нибудь 800 франков; на самом деле мне просто надо научиться завязывать галстук. Отсутствие машины – это, конечно, проблема и, по сути, единственная трудность, подстерегающая менеджера среднего звена; но и с ней можно справиться, взять кредит, поработать несколько лет – и готово. А вот косить под маргинала не вижу смысла: я недостаточно молод, недостаточно красив, недостаточно *крут*. У меня редеют волосы, я склонен к полноте, с возрастом становлюсь все тревожнее и уязвимее, так что отторжение и презрение окружающих больше задевают меня. Одним словом, мне не хватает естественности, то есть *животного начала*, – и это непоправимый дефект: что бы я ни говорил, что бы ни делал, что бы ни покупал, я никогда не смогу от него избавиться, потому что он таит в себе всю безнадежность *врожденного* изъяна”. В первые же каникулы, проведенные у матери, Брюно понял, что для *хиппи* он никогда не станет своим; он не был и никогда не будет роскошным животным. По ночам ему снились распахнутые вульвы. Примерно в то же время он начал читать Кафку. При первом чтении его словно холодом обдало, стужей замедленного действия, и в течение нескольких часов после того, как он закончил “Процесс”, его не покидало какое-то ватное оцепенение. Он сразу же понял, что этот заторможенный, скованный стыдом мир, где люди сталкиваются в космической пустоте и никакие отношения между ними вовек невозможны, в точности совпадает с его ментальным миром. Миром неспешным и холодным. В этом мире имелось, правда, и кое-что горячее – то, что у женщин между ног, но в это кое-что Брюно был не вхож.

¹⁵ Каланки – небольшие узкие бухты в западной части Средиземноморья.

Становилось все очевиднее, что Брюно плохо, что у него нет друзей, что он до ужаса боится девочек, что его юные годы – это одно сплошное фиаско. Его отец осознал это с растущим чувством вины. На Рождество 1972 года он потребовал встречи с бывшей женой, чтобы обсудить ситуацию. В разговоре выяснилось, что единоутробный брат Брюно учится в том же лицее и тоже в десятом классе (правда, в параллельном), но мальчики даже не знакомы; эта новость потрясла его, он усмотрел в ней символ чудовищного распада семьи, в котором повинны они оба. Впервые проявив настойчивость, он велел Жанин связаться со вторым сыном и спасти то, что еще можно спасти.

Жанин не питала особых иллюзий по поводу отношения к ней бабушки Мишеля, но все оказалось еще хуже, чем она себе представляла. В тот момент, когда она припарковала свой “порше” у их домика в Креси-ан-Бри, старушка как раз вышла с хозяйственной сумкой в руках.

– Я не могу запретить вам видеться с ним, это ваш сын, – сухо сказала она. – Я иду за покупками, буду через два часа, и мне бы очень хотелось, чтобы к этому времени вас тут не было. – И отвернулась.

Мишель сидел в своей комнате; она толкнула дверь и вошла. Она решила поцеловать его и уже было подалась к нему, но он отпрыгнул от нее на метр, не меньше. С возрастом он стал поразительно похож на отца: те же светлые тонкие волосы, то же угловатое лицо с высокими скулами. Она привезла ему проигрыватель и несколько альбомов “Роллинг Стоунз”. Он молча принял подарок (проигрыватель оставил себе, пластинки уничтожил через несколько дней). В его скромно обставленной комнате на стенах не было никаких плакатов. На откинутой крышке секретера лежал раскрытый учебник математики. “Что это?” – спросила она. “Дифференциальные уравнения”, – неохотно ответил он. Она собиралась поговорить с ним о жизни, пригласить к себе на каникулы, но куда там. Она просто сообщила, что скоро он познакомится с братом, он кивнул. Они просидели так уже почти час, паузы затягивались, как вдруг снаружи раздался голос Аннабель. Мишель бросился к окну и крикнул ей, чтобы она вошла. Жанин взглянула на девушку, когда та открывала садовую калитку. “Какая хорошенькая у тебя подружка...” – заметила она, скривившись. Мишель отпрянул, словно от удара наотмашь, его лицо исказилось. Подойдя к своему “порше”, Жанин столкнулась с Аннабель и посмотрела ей прямо в глаза; в ее взгляде читалась ненависть.

Бабушка Мишеля не питала никакой неприязни к Брюно: он тоже жертва их общей матери, которой чуждо все человеческое, – таков был ее взгляд на вещи – поверхностный, но в целом верный. Так Брюно взял в привычку навещать Мишеля каждый четверг после обеда. Из Креси-ла-Шапель он ехал в автовагоне. Когда представлялся удобный случай (а он представлялся практически всегда), он пристраивался напротив какой-нибудь одинокой девушки. В большинстве своем девушки носили прозрачные блузки или что-то в этом роде и сидели нога на ногу. И не то чтобы даже напротив, скорее наискосок, а бывало, и на той же скамейке, на расстоянии метров двух от них, никак не дальше. Завидев длинные светлые или каштановые волосы, он мгновенно возбуждался; выискивая себе место, он шел между рядами и чувствовал, как все сильнее пульсирует боль в штанах. Он садился, вынув заранее носовой платок. Главное, успеть раскрыть папку и положить ее на колени; а там уж раз-раз – и готово. А если девушка вдруг раздвигала ноги в ту минуту, когда он доставал член, то необязательно даже было к нему прикасаться – Брюно кончал мгновенно, стоило ему увидеть ее трусы. Носовой платок служил больше для подстраховки: обычно он кончал прямо на листы в папке: на квадратные уравнения, схемы строения насекомых, на график добычи угля в СССР. Девушка спокойно читала журнал.

Годы спустя Брюно не узнавал себя в этом мальчике. Все эти вещи происходили на самом деле; они имели непосредственное отношение к пугливому толстому подростку с его детских фотографий. Этот подросток имел некоторое отношение к сексуально озабоченному взрос-

лему мужчине, в которого он превратился. Его детство было болезненным, юность – ужасной; ему сорок два года, и, объективно говоря, до смерти жить и жить. Что ему предстоит еще испытать? Ну, допустим, сколько-то фелляций, и за них, понятное дело, он будет платить все охотнее. Жизнь, направленная на достижение цели, выкраивает мало места для воспоминаний. По мере того как его эрекции становились все затруднительнее и короче, Брюно впадал в какую-то тоскливую апатию. Главная цель его жизни – секс, и тут уже ничего изменишь, теперь он это понимал. В этом смысле Брюно был типичным представителем своего времени. В его юности жесткая экономическая конкуренция, которую переживало французское общество на протяжении двух столетий, несколько ослабла. В общественном мнении все больше утверждалась мысль, что экономические условия должны тяготеть к определенному равенству. Политики и руководители предприятий часто ссылались на модель шведской социал-демократии. В связи с чем Брюно не слишком стремился превзойти своих современников за счет экономических успехов. В профессиональном плане его единственной целью было – и вполне обоснованно – раствориться в “огромной аморфной массе среднего класса”, описанной позже президентом Жискаром д’Эстеном. Но человека хлебом не корми, дай установить какую-нибудь иерархию, главное же – почувствовать свое превосходство над себе подобными. Дания и Швеция, послужившие образцом для европейских демократий на пути к экономическому равенству, подали пример также и в области *сексуальной свободы*. Совершенно неожиданно внутри этого среднего класса, в который постепенно вливались рабочие и топ-менеджеры, а вернее, для детей этого среднего класса открылось новое поле нарциссического соперничества. В июле 1972 года, на летних языковых курсах в Траунштайне, небольшом баварском городке недалеко от австрийской границы, Патрик Кастелли, юный француз из его группы, умудрился за три недели переспать с тридцатью семью девицами. Брюно за отчетный период даже не размочил счет. В конце концов он показал член продавщице в супермаркете, которая, спасибо ей, расхохоталась и не стала подавать на него жалобу. Патрик Кастелли, как и Брюно, происходил из буржуазной семьи и хорошо учился; их судьбы обещали быть сопоставимыми в финансовом отношении. Практически все юношеские воспоминания Брюно были того же рода.

Впоследствии глобализация экономики повлекла за собой куда более жесткую конкуренцию, так рухнули мечты об интеграции всего населения в обобщенный средний класс с неуклонно растущей покупательной способностью; самые широкие социальные слои скатывались в бедность и безработицу. При этом ожесточенность сексуальной конкуренции не уменьшалась, скорее наоборот.

С тех пор как Брюно познакомился с Мишелем, прошло уже двадцать пять лет. За этот пугающий промежуток времени он, как ему казалось, почти не изменился; гипотеза тождества личности с неизменным ядром основных характеристик представлялась ему самоочевидной. И все же немалые пласты его собственной истории бесследно исчезли из памяти. У него создавалось ощущение, что он как бы и не прожил целые месяцы и годы. Чего не скажешь о последних двух годах юности, столь богатых воспоминаниями и определяющим жизненным опытом. Память человеческой жизни, объяснял ему много позже его брат, похожа на последовательные истории Гриффитса. Тем майским вечером они сидели в квартире Мишеля и пили кампари. Они редко заговаривали о прошлом, обычно их беседы касались текущей политической или социальной повестки, но в тот вечер они изменили этому правилу.

– У тебя сохранились воспоминания о некоторых моментах твоей жизни, – рассуждал Мишель, – и эти воспоминания принимают самые разнообразные формы: ты вспоминаешь мысли, мотивации и лица. Иногда всплывает только имя, вроде этой Патрисии Ховилер, о которой ты сейчас рассказывал, хотя сегодня ты бы ее даже не узнал. Иногда видишь чье-то лицо, но не умеешь привязать к нему воспоминание. В случае с Каролиной Есян все, что ты о ней

знаешь, укладывается в те несколько секунд, запечатленных в памяти с невообразимой точностью, когда твоя рука лежала на ее ляжке. Гриффитс ввел понятие последовательных историй в 1984 году, для того чтобы связать между собой квантовые измерения в правдоподобные повествования. История Гриффитса строится из последовательности более или менее произвольных измерений, выполненных в разные моменты времени. Каждое измерение выражает тот факт, что некоторая физическая величина, возможно отличающаяся от одного измерения к другому, находится в данный момент времени в определенном интервале значений. Например, в момент времени t_1 электрон имеет такую-то скорость, определяемую с некоторым приближением, зависящим от способа измерения; в момент времени t_2 он находится в такой-то области пространства; в момент времени t_3 имеет такое-то значение спина. Исходя из подмножества результатов измерений, можно построить логически непротиворечивую *историю*, но нельзя сказать, что она *истинна*; ее просто допустимо отстаивать, не впадая в противоречие. Некоторые из жизненных историй, возможных в рамках данного эксперимента, могут быть записаны в нормализованной форме Гриффитса; тогда они называются *последовательными историями Гриффитса*, и все происходит так, будто мир состоит из отдельных объектов с внутренне присущими им неизменными свойствами. Однако число последовательных историй Гриффитса, которые можно записать исходя из серии измерений, обычно значительно больше единицы. Ты осознаешь свое “я”; это осознание позволяет тебе выдвинуть гипотезу: история, которую ты способен восстановить из собственных воспоминаний, является последовательной историей, оправданной в рамках принципа недвусмысленного повествования. Поскольку ты являешься отдельным индивидом, продолжающим свое существование в течение определенного отрезка времени и подчиняющимся некоей онтологии объектов и свойств, будь уверен – с тобой, безусловно, можно связать некоторую последовательную историю Гриффитса. Только эту априорную гипотезу ты принимаешь для сферы реальной жизни, но не для сферы сновидений.

– Мне хотелось бы думать, что мое “я” – это иллюзия, хотя и болезненная иллюзия... – тихо сказал Брюно; но Мишель не знал, что ответить, он совсем не разбирался в буддизме. Разговор давался им нелегко, они виделись от силы два раза в год. В молодости им случалось вести бурные дискуссии, но те времена давно миновали. В сентябре 1973-го они вместе перешли в одиннадцатый “С” с математическим уклоном; в течение двух лет вместе изучали математику и физику. Мишель был гораздо талантливее своих одноклассников. Мир людей, начинал он понимать, не оправдывает надежд, он полон тревоги и горечи. Математические уравнения приносили ему безмятежную, живую радость. Он продвигался на ощупь в полумраке и вдруг находил просвет: несколько формул, несколько дерзких факторизаций, и он достигал уровня счастливой безмятежности. Первое уравнение в доказательстве было самым волнующим, потому что истине, мерцающей на полпути, не хватало еще достоверности; последнее уравнение оказывалось самым ослепительным, самым радостным. В том же году Аннабель перешла в десятый класс лицея Мо. Они часто проводили время втроем после занятий. Потом Брюно возвращался в интернат, Аннабель и Мишель отправлялись на вокзал. Ситуация принимала странный и печальный оборот. В начале 1974 года Мишель ушел с головой в гильбертовы пространства; затем ознакомился с теорией меры, открыл для себя интегралы Римана, Лебега и Стильеса. Брюно меж тем читал Кафку и мастурбировал в автовагоне. Как-то в мае, зайдя днем в бассейн, недавно открывшийся в Ла-Шапель-сюр-Креси, он с превеликим удовольствием распахнул полотенце и показал член двум девочкам лет двенадцати; удовольствие возросло, когда девочки принялись пихать друг друга, проявив живой интерес к неожиданному зрелищу; он обменялся долгим взглядом с одной из них, брюнеточкой в очках. Брюно хоть и был слишком несчастен и фрустрирован, чтобы интересоваться чужой психологией, все же отдавал себе отчет, что его брат находится в еще более тяжелом положении, чем он сам. Они часто заходили вместе в кафе; Мишель носил анораки и дурацкие шапки и не умел играть в настольный футбол; говорил в основном Брюно. Мишель сидел не шелохнувшись, говорил

все меньше и меньше; на Аннабель смотрел внимательно и безучастно. Аннабель не сдавалась; порой Мишель казался ей существом из другого мира. Незадолго до того она прочитала “Крейцерову сонату” и подумала было, что благодаря этой книге она его поняла. Двадцать пять лет спустя Брюно стало ясно, что они попали тогда в несуразную, ненормальную ситуацию, не имеющую будущего; обдумывая прошлое, постоянно испытываешь ощущение – возможно, ложное – некоей предопределенности.

12. Своим чередом

В эпоху революций те, кто так странно кичится, приписывая себе невеликую заслугу пробуждения в своих современниках анархических страстей, не осознают, что их кажущийся и достойный сожаления триумф обусловлен в основном спонтанной предрасположенностью, определяемой соответствующей общественной ситуацией во всей ее полноте.

Огюст Конт. Курс позитивной философии. Урок 48

Середина семидесятых во Франции ознаменовалась скандальным успехом “Призрака рая”, “Заводного апельсина” и “Вальсирующих”, трех совершенно непохожих фильмов, массовый успех которых тем не менее утвердил коммерческую целесообразность “молодежной” культуры, основанной, по сути, на сексе и насилии, которая неуклонно завоевывала рынок в течение последующих десятилетий. Что касается молодежи шестидесятых, разбогатевших тридцатилетних, то они легко узнавали себя в “Эмманюэль”, вышедшей на экраны в 1974-м: приятное времяпрепровождение, экзотические места, разнообразные фантазмы – фильм Жюста Жакена уже сам по себе, в контексте по-прежнему глубоко укорененной иудео-христианской культуры, стал манифестом вступления в цивилизацию развлечений.

В целом же движение, способствовавшее свободе нравов, достигло в 1974-м значительных успехов. Двадцатого марта в Париже открылся клуб “Витатоп”, сыгравший роль первопроходца в области физического развития и культа тела. Пятого июля приняли закон о снижении возраста совершеннолетия до 18 лет, 11 июля – о разводе по обоюдному согласию, исключив адюльтер из Уголовного кодекса. Наконец, 28 ноября благодаря поддержке левых и после бурных дебатов, “исторических” по мнению большинства экспертов, был принят “закон Вейль”, разрешающий аборт. Христианская антропология, и правда долгое время преобладавшая в странах Запада, придавала огромное значение любой человеческой жизни, от зачатия до смерти; эта значимость обусловлена верой христиан в существование *души* внутри человеческого тела – души, по определению бессмертной, которой рано или поздно суждено возвратиться к Богу. Под влиянием достижений биологии в XIX–XX веках постепенно сформировалась материалистическая антропология, радикально отличная по своим постулатам и гораздо более умеренная в этических рекомендациях. С одной стороны, эмбрион – небольшое скопление клеток, находящихся в состоянии прогрессирующего развития, – получал право на автономное индивидуальное существование только при соблюдении определенного социального консенсуса (отсутствие инвалидизирующего генетического дефекта, согласие родителей). С другой стороны, старик, представляющий собой скопление органов в состоянии непрерывного разложения, мог реально заявить о своем праве на выживание лишь при условии удовлетворительного отправления своих физиологических потребностей – так появилось понятие *человеческого достоинства*. То есть этические проблемы, связанные с диаметрально противоположными стадиями жизни (аборт, а через несколько десятилетий – эвтаназия), отныне стали полем непреодолимого противостояния двух разных взглядов на мир, двух, по сути, антагонистических антропологических концепций.

Принципиальный агностицизм, лежащий в основе общественного устройства Французской республики, способствовал лицемерному и даже в чем-то зловещему торжеству материалистической антропологии. Вопрос *ценности* человеческой жизни, хоть никогда и не обсуждался открыто, неизменно будоражил умы, и можно с уверенностью сказать, что в последние десятилетия существования западной цивилизации он отчасти обусловил возникновение депрессивной и чуть ли не мазохистской атмосферы в обществе.

Для Брюно, которому недавно исполнилось восемнадцать, лето 1974 года стало важным, более того, переломным периодом. Решив много лет спустя все же обратиться к психиатру, он не раз возвращался к рассказу о том времени, чтобы скорректировать те или иные детали, – и психиатр, судя по всему, высоко оценил его повествование. Вот каноническая версия событий, которой Брюно отдавал предпочтение:

– Дело было в конце июля. Я уехал на неделю к матери, на Лазурный Берег. У нее дома вечно кто-то жил. В то лето она спала с одним канадцем – мускулистым парнем с внешностью лесоруба. Утром в день отъезда я проснулся очень рано. Солнце уже пригревало. Я вошел в их комнату, они оба еще спали. Я замешкался на несколько секунд и откинул простыню. Мать пошевелилась, и на мгновение мне показалось, что она сейчас откроет глаза; она слегка раздвинула ноги. Я опустился на колени перед ее промежностью. Я протянул руку, но остановился в паре сантиметров, не посмев ее потрогать. Потом вышел подрочить. Она подкармливала кучу кошек, в основном бродячих. Я подошел к черному котенку, который грелся на валуне. Земля вокруг дома была каменистая, совершенно белая, беспощадно белая. Кот несколько раз взглянул на меня, пока я дрович, но зажмурился до того, как я кончил. Я нагнулся, подобрал с земли увесистый булыжник. Кошачий череп раскололся, мозги брызнули наружу. Я забросал его труп камнями и вернулся в дом – все еще спали. Утром мама отвезла меня к отцу, он жил километрах в пятидесяти от нее. В машине она впервые заговорила со мной о ди Меоле. Он тоже уехал из Калифорнии четыре года назад и купил большое поместье недалеко от Авиньона, на склонах горы Ванту. Летом к нему съезжалась молодежь со всей Европы, и Северной Америки тоже. Она подумала, что мне бы не вредно как-нибудь провести у него лето, мол, там мне откроются новые горизонты. Учение ди Меолы опиралось в основном на брахманическую традицию, но, по ее словам, без фанатизма и сектантства. К тому же он отдавал должное достижениям кибернетики, НЛП и технике депрограммирования, разработанной в Эсалене. Прежде всего речь шла об освобождении личности и ее глубинного творческого потенциала.

– Мы используем всего лишь 10 % наших нейронов. Более того, – добавила Джейн (они ехали по сосновому лесу), – там ты сможешь подружиться со своими сверстниками. За то время, что ты у нас прожил, мы все пришли к выводу, что у тебя проблемы с сексом. На Западе подход к сексу, – продолжала она, – совершенно исковеркан и извращен. Во многих примитивных обществах сексуальная инициация происходит естественным путем, в раннем подростковом возрасте, под присмотром взрослых членов племени. Я твоя мать, – сочла нужным напомнить она, но умолчала о том, что сама в 1963 году “инициировала” Дэвида, сына ди Меолы. Дэвиду тогда было тринадцать лет. В первый день она разделась перед ним и велела ему подрочить. На второй она уже сама ему дровича и сосала. Наконец, на третий день позволила ему войти в нее. Приятно вспомнить – член мальчика был нестигаемо тверд и стоял наготове даже после того, как он несколько раз кончил; с тех пор она, похоже, окончательно переключилась на юношей. – Однако, – добавила Джейн, – инициация должна происходить за пределами ближайшего семейного круга. Это необходимо, чтобы открыть подростку мир.

Брюно вздрогнул, гадая, уж не проснулась ли она тем утром, когда он впился взглядом в ее промежность. Впрочем, замечанию его матери удивляться не приходится: табу на инцест у серых гусей и мандрилов было научно доказано. Они подъезжали к Сент-Максиму.

– Приехав к отцу, – продолжал Брюно, – я понял, что с ним что-то не так. Тем летом он смог взять отпуск всего на две недели. Тогда я не отдавал себе отчета, но у него впервые начались проблемы с деньгами, дела его шли не очень хорошо. Позже он все мне рассказал. Он совершенно упустил из виду растущий спрос на силиконовые груди. Посчитал, что это мимолетное увлечение, которое не выйдет за пределы американского рынка. Сглупил, короче. Не было еще такого случая, чтобы мода, зародившаяся в США, не охватила через несколько лет всю Западную Европу, ни единого. А вот его молодой компаньон не зевал, он открыл соб-

ственную фирму и переманил большую часть его клиенток, используя силиконовую грудь в качестве товара-приманки.

На момент этой исповеди отцу Брюно было уже семьдесят, и вскоре он скончался от цирроза печени.

– История повторяется, – мрачно добавлял он, позвякивая кубиками льда в стакане. – Этот мудака Понсе (он имел в виду лихого молодого хирурга, из-за которого он разорился двадцать лет назад), этот мудака Понсе решил не вкладываться сейчас в удлинение члена. Говорит, это отдает колбасной лавкой, и вообще он сомневается, что в Европе мужики клонут. Мудака. Такой же мудака, как я в свое время. Будь мне сегодня тридцать, о да, я бы точно занялся удлинением членов! – Выпалив это, он погружался в мрачную задумчивость и клевал носом. В таком возрасте разговор неизбежно слегка буксует.

В то лето, в июле 1974-го, отец Брюно находился еще в самой начальной стадии старения. После обеда он запирался у себя со стопкой детективов Сан-Антонио и бутылкой бурбона. Выходил около семи вечера, чтобы разогреть готовые блюда, руки у него дрожали. Он не то чтобы напрочь отказался от разговоров с сыном, у него просто не получалось, правда не получалось. На третьи сутки атмосфера сделалась совсем гнетущей. Брюно стал уходить из дому на всю вторую половину дня; тупо отправлялся на пляж.

Следующая часть истории психиатру нравилась меньше, но Брюно она была важна, и ему совсем не хотелось обходить ее молчанием. В конце концов, этот хрен тут торчит, чтобы его выслушать; он ведь платит ему, не так ли?

– Она всегда приходила одна, – упорно продолжал Брюно, – и одиноко сидела на пляже до самого вечера. Бедняжка, ребенок богатых родителей, как и я; семнадцатилетняя толстуха, пышка с застенчивым лицом, слишком бледной кожей и вся в прыщах. На четвертый день, накануне отъезда, я взял полотенце и подсел к ней. Она лежала на животе, расстегнув лифчик от купальника. Помню, я спросил: “Ты тут на каникулах?” – ничего лучше не придумал. Она подняла на меня глаза: конечно, она вряд ли ожидала чего-то искрометного, но, может, все-таки не такой хрени. Потом мы представились друг другу, ее звали Анник. Рано или поздно ей придется встать, и я задумался, что она сделает – попытается застегнуть лифчик на спине или, наоборот, покажет мне грудь? Она выбрала промежуточный вариант: перевернулась, придерживая лифчик с боков. В итоге чашки слегка съехали, прикрывая ее только наполовину. У нее и в самом деле оказалась огромная грудь, уже немного обвисшая, и, наверное, со временем эта обвислость усугубится. Да уж, сказал я себе, отваги ей не занимать. Я протянул руку и засунул ее под лифчик, постепенно оголяя ее грудь. Она не шелохнулась, лишь напряглась слегка и закрыла глаза. Я осторожно продвинулся, ее соски затвердели. Я и по сей день считаю, что пережил тогда один из самых прекрасных моментов своей жизни.

Потом начались трудности. Я отвез ее к себе, и мы сразу поднялись в мою комнату. Я боялся, что отец увидит ее; у него-то в жизни хватало настоящих красоток. Но он спал, более того, в тот день он перепил и очнулся только к десяти вечера. Как ни странно, она не дала мне снять с нее трусы. У нее еще никогда ничего не было, призналась она, вообще с мальчиками ничего не было. Но дрочила она мне довольно уверенно, с большим энтузиазмом; помню, как она улыбалась. Потом я поднес член к ее губам; она немного пососала его, но ей это не слишком понравилось. Я решил не настаивать и просто сел на нее верхом. Я просунул член между ее грудей и почувствовал, что ей очень приятно, она тихо застонала. Я ужасно возбудился, встал и спустил с нее трусы. На этот раз она не возражала, даже подняла ноги, чтобы мне помочь. Да, она была далеко не красавица, но вульва ее манила, как у любой женщины. Она закрыла глаза. Стоило мне просунуть руки ей под попу, как она широко раздвинула ноги. Это так на меня подействовало, что я тут же кончил, еще не успев толком ей вставить. Немного спермы попало ей на лобок. Я страшно расстроился, но она сказала, ничего страшного, ей хорошо.

Времени на разговоры у нас не оставалось, было уже восемь, и Анник заторопилась домой, к родителям. И почему-то сообщила мне, что она единственный ребенок. Она выглядела такой счастливой, так гордилась, что у нее появилась уважительная причина опоздать к ужину, что я чуть не расплакался. Мы долго целовались в палисаднике перед домом. На следующее утро я вернулся в Париж.

Изложив свою зарисовку, Брюно делал паузу. Доктор сдержанно фыркал, а затем обычно говорил: “Ну, ладно”. В зависимости от того, как долго они просидели, он либо произносил какую-нибудь фразу, запускающую новый виток беседы, либо, наоборот, завершал ее: “Что ж, на сегодня хватит?” – он чуть повышал голос на последнем слове, чтобы подчеркнуть вопросительную интонацию. Его улыбка при этом отличалась изысканной непринужденностью.

13

Тем же летом 1974 года Аннабель позволила поцеловать себя мальчику на дискотеке в Сен-Пале. Она как раз прочитала в журнале “Стефани” подборку статей о дружбе между мальчиками и девочками. Обращаясь к теме *друга детства*, журнал выдвигал следующий, на редкость отвратительный тезис: друг детства крайне редко превращается в *бойфренда*; судьба уготовила ему скорее участь приятеля, *верного товарища*, ему частенько можно излить душу и обратиться за поддержкой в минуты эмоциональных потрясений, вызванных первым *флиртом*.

Через несколько секунд после первого поцелуя, вопреки утверждениям вышеупомянутого периодического издания, на Аннабель нахлынула ужасная тоска. Что-то мучительное, неизведанное теснило ей грудь. Она вышла из “Катманду”, не разрешив мальчику себя проводить. Пока она снимала противоугонный замок со своего мопеда, ее била мелкая дрожь. В тот вечер она надела свое самое красивое платье. Дом ее брата стоял всего в километре оттуда, и когда она вернулась, было еще только начало двенадцатого, в гостиной горел свет; завидев свет, она расплакалась. Вот при таких обстоятельствах, в ту июльскую ночь 1974 года, к Аннабель пришло болезненное и бесповоротное осознание своего *индивидуального бытия*. Индивидуальное бытие впервые открывается животному в виде физической боли, в человеческом же обществе оно полностью осознается, когда возникает потребность во *лжи*, с которой его, в принципе, можно спутать. До шестнадцати лет Аннабель не имела секретов от родителей; не имела она секретов – что, как она теперь догадывалась, большая редкость и удача – и от Мишеля. За несколько часов в ту ночь Аннабель осознала, что человеческая жизнь – не что иное, как непрерывная череда лжи. Одновременно с этим к ней пришло осознание собственной красоты.

Индивидуальное бытие и вытекающее из него чувство свободы составляют естественную основу *демократии*. В демократическом обществе отношения между людьми традиционно регулируются *договором*. Договор, не учитывающий естественные права одной из сторон или не содержащий четких условий расторжения, признается тем самым недействительным.

Если о лете 1974 года Брюно с удовольствием рассказывал в мельчайших подробностях, то о последовавшем за ним учебном годе, от которого у него остались, честно говоря, лишь воспоминания о нарастающем дискомфорте, он особо не распространялся. Некий неопределенный отрезок времени в довольно мрачных тонах. Он так же часто виделся с Аннабель и Мишелем, и в принципе они по-прежнему были очень близки, но впереди маячили выпускные экзамены, и в конце учебного года им неизбежно предстояло расстаться. Мишель изменился: он слушал Джими Хендрикса, самозабвенно катаясь по коврам;

гораздо позже всех остальных у него начали проявляться явные признаки *переходного возраста*. Между ним и Аннабель ощущалась какая-то неловкость, они не так охотно, как раньше, брались за руки. Короче, как Брюно однажды сказал своему психиатру, “все у них пиздой накрылось”.

Благодаря эпизоду с Анник, который Брюно был склонен приукрашивать в своих воспоминаниях (ему, кстати, хватило ума ей не перезвонить), он почувствовал себя немного увереннее. Однако за этой первой победой других не последовало, он получил грубый отпор, попытавшись поцеловать Сильви, симпатичную брюнетку, такую прям *зайку*, одноклассницу Аннабель. Но ведь если одна девочка его захотела, то и другие найдутся; так что к Мишелю он начал относиться в чем-то даже покровительственно. В конце концов, это его брат, к тому же младше на два года.

– Тебе пора уже что-то предпринять с Аннабель, – повторял он, – она только того и ждет, она влюблена в тебя, и она самая красивая девочка в лице.

Мишель ерзал на стуле и отвечал: “Ага”. Шли недели, а он все колебался, на пороге взрослой жизни. Поцелуй он Аннабель, они оба сумели бы, возможно, избежать трудностей этого перехода, другого способа не было, но он не понимал этого; он позволил себя убаюкать обманчивому ощущению, что впереди у него вечность. В апреле он привел в ярость своих учителей, забыв заполнить анкету для поступления на подготовительные курсы. Хотя у него, как ни у кого другого, были все шансы попасть в какую-нибудь высшую школу. До начала экзаменов на бакалавра оставалось месяца полтора, а он все чаще витал в эмпиреях. Сидя в классе, смотрел через зарешеченные окна на облака, на деревья в школьном дворе или на других учеников; казалось, что дела человеческие его уже совсем не волнуют.

Брюно, напротив, решил записаться на филологический факультет: ему поднадоели ряды Тейлора-Маклорена, а главное, на филфаке водятся девушки, много девушек. Отец не возражал. Как все старые распутники, он на склоне лет стал сентиментален и горько упрекал себя за то, что своим эгоизмом испортил сыну жизнь, что было не так уж далеко от истины. В начале мая он расстался с Жюли, своей последней любовницей, великолепной женщиной, надо сказать; Жюли Ламур в повседневной жизни, она взяла сценический псевдоним – Джулия Лав. Она снималась в первых, давно уже позабытых порнофильмах французского образца – у Берда Транбаре и Франсиса Леруа. Внешне она чем-то напоминала Жанин, только та все же не была такой дурой. “Опять на те же грабли”, – буркнул отец Брюно, когда обнаружил их сходство, наткнувшись на девичью фотографию бывшей жены. На званом ужине у Беназерафа она познакомилась с Делёзом и с тех пор регулярно пускалась в интеллектуальные оправдания порнографии, и вот тут уж его терпение лопнуло. Кроме того, она влетала ему в копеечку, привыкнув на съемках к арендованным “роллсам”, шубам и всяким эротическим фишкам, а ему с возрастом все это совсем опротивело. В конце 1974 года ему пришлось продать дом в Сент-Максime. Через несколько месяцев он купил сыну студию неподалеку от Обсерватории: очень хорошую студию, светлую, тихую, с открытым видом. Когда он привел туда Брюно, у него вовсе не возникло ощущения, что он делает ему какой-то невероятный подарок, скорее, он пытался по мере сил *загладить свою вину*; в любом случае эта студия явно досталась ему по дешевке. Обведя взглядом квартиру, он слегка оживился. “Сможешь водить сюда девочек!” – неосторожно воскликнул он. Увидев лицо сына, он тут же пожалел о своих словах.

В конце концов Мишель записался в Орсе на физмат; его привлекла прежде всего близость кампуса – именно так он и рассуждал.

Неудивительно, что оба брата успешно получили свой “бак”. Аннабель пошла с ними узнать результаты, вид у нее был серьезный, она очень повзрослела за этот год. Немного похудевшая, с какой-то затаенной улыбкой, она стала, увы, еще красивее. Брюно решил проявить инициативу: летнего дома в Сент-Максime больше нет, зато он может провести каникулы в поместье ди Меолы, как посоветовала ему мать. Он предложил им поехать вместе. Они отправились туда через месяц, в конце июля.

14. Лето семьдесят пятого

*Дела их не допускают их обратиться к Богу своему, ибо дух блуда
внутри них, и Господа они не познали.
Книга пророка Осии, 5:4*

У автобуса в Карпантра их встретил обессиленный, больной человек. Сын итальянского анархиста, эмигрировавшего в США в начале двадцатых, Франческо ди Меола, несомненно, *преуспел в жизни* — в финансовом отношении, разумеется. Этот молодой итальянец в конце Второй мировой войны понял, как и Серж Клеман, что мы вступаем в радикально новый мир, и многие занятия, долгие годы считавшиеся элитарными или, напротив, маргинальными, вскоре станут весьма выгодными в экономическом плане. В то время как отец Брюно вкладывал деньги в пластическую хирургию, ди Меола занялся производством пластинок; некоторые, конечно, зарабатывали гораздо больше, чем он, но и ему удалось все же отхватить солидный кусок пирога. В сорок лет он, как и многие калифорнийцы, интуитивно угадал новую волну, гораздо более значимую, чем просто случайное веяние моды, волну, которой суждено будет смыть всю западную цивилизацию. Вот почему он принимал у себя на вилле в Биг-Суре Аллана Уоттса, Пауля Тиллиха, Карлоса Кастанеду, Абрахама Маслоу и Карла Роджерса. Чуть позже ему посчастливилось даже познакомиться с Олдосом Хаксли, истинным духовным отцом нового движения. Постаревший и полуслепой Хаксли не уделил ему особого внимания, но на него эта встреча произвела глубокое впечатление.

Он и сам не понимал толком, что побудило его уехать в 1970 году из Калифорнии и купить поместье в Верхнем Провансе. Позже, почти в самом конце жизни, он пришел к мысли, что по непонятным соображениям хочет *умереть в Европе*; но в тот момент он осознавал лишь самые свои поверхностные мотивации. Майские события 1968-го не оставили его равнодушным, и когда волна хиппи в Калифорнии стала иссякать, он подумал, что с европейской молодежью еще можно что-то сделать. Джейн считала, что он на правильном пути. Французской молодежи, кроме всего прочего, не хватает воздуха, она зажата в патерналистские тиски голлизма; но, уверяла она, одной искры хватит, чтобы все запылало. Вот уже несколько лет Франческо только и делал, что курил косяки в компании совсем юных девиц, слетевшихся на свет духовной ауры нового начинания, а затем трахался с ними среди мандал, в аромате благовоний. В Биг-Сур приезжали, как правило, всякие протестантские дурочки; по крайней мере половина из них при ближайшем рассмотрении оказывались девственницами. К концу шестидесятых и этот поток стал иссякать. Он решил тогда, что пришла пора вернуться в Европу; этот глагол звучал странно, ведь он покинул Италию в возрасте пяти лет. Его отец был не просто революционным активистом, но и культурным человеком, любителем изящной словесности, эстетом. Что, видимо, не могло на нем не отразиться. В глубине души он всегда считал американцев недоумками.

Он по-прежнему был очень красив — точеное смуглое лицо, выющиеся седые волосы, длинные и густые, — вот только в недрах его тела клетки начали делиться как попало, разрушать генетический код соседних клеток и секретировать токсины. Специалисты, к которым он обращался, противоречили друг другу по многим пунктам, но сходились в главном: ему недолго осталось. Рак неоперабельный, со множественными метастазами. В большинстве своем врачи предрекали ему тихую агонию и даже, при наличии определенных лекарств, отсутствие физических страданий до самого конца; до сих пор он и правда чувствовал лишь сильную общую усталость. Однако он не смирился; он и представить себе не смог, что смирится. Для совре-

менного западного человека, пусть и в добром здравии, мысль о смерти – это своего рода *белый шум*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.